

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-136-185

ПЕРЕПИСКА Ю. Г. ОКСМАНА И Н. К. ГУДЗИЯ (1930–1965)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© М. А. ФРОЛОВА)

В январе 2020 года исполнилось 125 лет со дня рождения, а в сентябре — 50 лет со дня кончины историка литературы и общественной мысли XIX века, пушкиниста, текстолога Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970). Мы хотели бы отметить эти даты, познакомив читателей с эпистолярным диалогом, в котором отразилась жизнь советского общества, многотрудная судьба отечественной филологической науки второй трети XX века, а главное — судьбы участников этого диалога. В конце октября 1965 года Оксман писал своему коллеге: «...бесконечно жаль одного из последних праведников советского литературоведения, доброго и благородного человека, настоящего филолога, одного из немногих моих близких друзей».¹ Эти слова относились к литературоведу, специалисту по русской и украинской литературе и культуре XI–XIX веков, русско-украинским литературным связям, текстологу, историку науки, педагогу Николаю Каллиниковичу Гудзию (1887–1965).

Их знакомство, установление дружеских связей, полных доброжелательного взаимного интереса друг к другу, относятся к началу 1920-х годов. В августе 1923 года Гудзий подарил Оксману оттиск своей статьи «Прототип Кулигина (К литературной истории «Грозы» Островского)» с дарственной надписью: «Дорогому Юлиану Григорьевичу Оксману от автора. 21/VIII 923».² Много позднее, в феврале 1929 года Оксман получил от коллеги оттиск первой части опубликованной в Берлине работы Гудзия, посвященной изучению древнерусской литературы в 1914–1926 годах,³ высокая научная ценность ко-

¹ Письмо Оксмана к П. Н. Беркову от 30 октября 1965 года // «Искренне ваш Юл. Оксман»: Письма 1914–1970 годов / Публ. М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // Русская литература. 2006. № 1. С. 235 (далее ссылки на эту публикацию приводятся сокращенно: Русская литература, с указанием года выхода, номера журнала и номера страницы). Оксман узнал о кончине Гудзия на следующий день. Ср. в письме Оксмана, адресованном его другу и коллеге, выдающемуся историку и теоретику литературы, фольклористу Александру Павловичу Скафтымову (1890–1968) от 2 ноября 1965 года, уточняющем и год знакомства Оксмана и Гудзия: «Вчера похоронили Н. К. Гудзия. <...> Для меня лично это особенно тяжелая потеря — мы знакомы были с 1919 г., а дружны с 1924 г. Именно „дружны“, несмотря на разницу лет, а переговаривались с ним не реже трех-четырёх раз в неделю все десять лет моей жизни в Москве» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / Предисловие, сост. и подг. текстов А. А. Жук; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. Vol. 1. № 2. С. 322–323).

² Прототип Кулигина (К литературной истории «Грозы» Островского) // Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измайловичу Срезневскому (1891–1916 гг.). Л., 1924. С. 183–190 (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1188. Л. 1). Судя по дате дарственной надписи, можно предположить, что оттиски своей работы Гудзий получил еще до выхода сборника из печати.

³ *Gudzij N.* Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914–1926. Besprechungen. Teil 1 // Zeitschrift für Slawistik (Berlin). 1928. Bd 5. H. 1/2. S. 153–175 (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1188. Л. 5). См. также прим. 1 к п. 1.

торой была для Оксмана вне всякого сомнения, о чем говорит первое из сохранившихся его писем к Гудзию от 15 сентября 1930 года.

Два других письма Оксмана 1930-х годов также свидетельствуют о том, что в последующие годы их общение и сотрудничество лишь укреплялись, основываясь на общности интересов и увлечений. Не стоит забывать, что и Оксман, и Гудзий были многоопытными собирателями книг, документов и рукописей, но для них собирательство никогда не становилось самоцелью, а неизменно служило ближним и дальним целям их научной деятельности. Уже в 1920–1930-е годы их сближал интерес к целому ряду исследовательских тем и проблем — биография и наследие А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, литературное наследие и судьбы декабристов, проблемы цензуры литературных и публицистических произведений, вопросы текстологии и литературного источниковедения, история филологической науки, в том числе — история отечественной пушкистики.

Они сотрудничали с одними и теми же издательствами, печатались в одних научных журналах, легендарных книжных и академических сериях — «Academia», «Литературное наследство», «Русский библиофил», «Голос минувшего», «Каторга и ссылка». Их работы напечатаны по соседству в сборниках, один из которых был посвящен памяти их друга, а другой стал приношением их старшему знакомому и коллеге.⁴

Письма Гудзия к Оксману за 1920–1930-е годы не сохранились по причинам, связанным с трагическими обстоятельствами судьбы Оксмана в 1936–1946 годах (проведенных в заключении и в отрыве от круга общения и научной работы), с утратой значительной части его архива вскоре после ареста. Тем ценнее сохранные Гудзием три открытки своего корреспондента, относящиеся к этому периоду, благодаря которым можно хотя бы пунктирно проследить начальный период их общения.

Прерванная переписка возобновилась в конце 1940-х годов, ознаменовав возвращение Оксмана к относительно устроенной, но полной различного рода препятствий жизни в Саратове и работе в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского. Переписка была особенно интенсивной до того момента (произошло это в конце 1956 года), когда Оксман переехал в Москву, став старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (где работал и Гудзий в 1938–1941, 1943–1952 годах), но не потеряв крепких человеческих и научных связей с филологами и историками Саратова, многие из которых были его учениками и просто добрыми друзьями, не раз помогавшими ему в трудных обстоятельствах. Возможно, Оксман и Гудзий переписывались и до 1949 года, но писем за этот период не сохранилось. Во второй половине 1950-х годов переписка уступает место личному общению — встречам и телефонным разговорам, часто корреспонденты писали друг другу, находясь на отдыхе, в рабочих командировках, готовясь к ответственным выступлениям. Связывала их работа в Комиссии по истории филологических наук Отделения литературы и языка АН СССР, участие в редакционных коллегиях академических серий и собраний сочинений писателей-классиков.

Восторг и преклонение перед научным талантом и исключительными человеческими качествами одних коллег, презрение к другим, которые лишь формально, благодаря исправной работе бюрократической машины, оказались их «коллегами», но не могли так называться по существу, объединяли страстные, импульсивные натуры Оксмана и Гудзия. Только учитывая эти

⁴ Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931; Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.

особенности характера и мировосприятия, следует воспринимать некоторые из их категоричных и не всегда объективных оценок и суждений (заметим, что сказанное относится в большей степени к Оксману). Но эти суждения, рассмотренные в контексте происходивших тогда в общественно-политической жизни, культуре и науке событий, позволяют не только представить реальное положение дел, но увидеть эпоху глазами ее свидетелей и активных участников этих событий. Деятельная забота о сохранении светлой памяти ушедших друзей и учителей, всемерная помощь живущим, стремление осудить лжеученых, доносчиков, гонителей и разрушителей науки также отчасти находят свое отражение на страницах публикуемых писем.

Обстоятельства, предшествующие возобновлению волны преследований и травли в отношении Оксмана в 1963–1964 годах и отчасти ускорившие уход из жизни Гудзия, остались за пределами эпистолярного диалога, но о них необходимо хотя бы кратко напомнить. В начале 1963 года в Москву вместе с мужем и дочерью приехала американская славистка Кэтрин Фойер (1926–1992), писавшая в то время докторскую диссертацию о «Войне и мире» Л. Н. Толстого.⁵ Она собиралась заняться изучением толстовских рукописей, побывать в музее «Ясная Поляна». Планы этой работы она обсуждала с Н. К. Гудзием и Ю. Г. Оксманом, которого о визите Фойер предупредил Г. П. Струве (пожелавший иметь в своем собрании текст «Реквиема» Анны Ахматовой — в одну из встреч Юлиан Григорьевич подарил Фойер машинописную копию «Реквиема» и передал несколько писем для Струве). Последняя встреча супругов Фойер с Оксманом состоялась 23 мая, вскоре они уехали в Ленинград. Утром 7 июня они сели в поезд, идущий в Хельсинки — при подъезде к финской границе подверглись грубому обыску со стороны сотрудников КГБ, были обвинены в антисоветской деятельности — им было предъявлено письмо Оксмана к Струве, выкраденное КГБ в «Европейской гостинице». После допроса семье Фойер были возвращены паспорта, и они покинули страну. В эти же месяцы (май–август) в нескольких зарубежных изданиях был опубликован «меморандум» (определение Струве) Оксмана «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых».⁶ В течение двух дней, 5 и 6 августа 1963 года, у Оксмана проводился обыск (в рамках заведенного КГБ уголовного дела), в ходе которого были изъяты отписки статей Струве и других зарубежных ученых, несколько писем Струве к Оксману (сентябрь 1962 — май 1963), а также изданные в Америке и Европе книги по истории русской литературы. Следствие по делу Оксмана закончилось в декабре (в течение нескольких месяцев его регулярно вызывали на допросы), материалы дела были переданы в Союз писателей СССР и ИМЛИ.

7 октября 1964 года на объединенном заседании секретариатов СП СССР и СП РСФСР, Московского отделения СП РСФСР и дирекции ИМЛИ Оксман был исключен из Союза писателей, вскоре был вынужден уйти из ИМЛИ, выйти из редакционных коллегий «Краткой литературной энциклопедии», «Литературного наследства», «Серии литературных мемуаров», из сектора классиков редакционной коллегии Гослитиздата. Секретный циркуляр Комитета по делам печати СССР запретил упоминать его имя даже в ссылках на специальную литературу (несмотря на это, усилиями коллег имя ученого все-таки удавалось упоминать, зачастую же он прибегал к псевдонимам «Ю. Григорьев» и «А. Осокин»). Гудзий, в течение длительного времени испытывавший давление со стороны органов госбезопасности, скончался 29 октября 1965 года, «не выдержав единоборства с Лубянкой из-за К. Фойер» (по спра-

⁵ Опубликована в русском переводе: *Фойер К. Б.* Генезис «Войны и мира». СПб., 2002.

⁶ См. прим. 3 к п. 32.

ведливому замечанию В. Д. Рака и М. Д. Эльзона, основанному на устном свидетельстве Г. Я. Галаган). Оксман, получивший должность профессора-консультанта кафедр истории СССР и истории русской литературы (благодаря дружеской поддержке Г. В. Краснова и В. В. Пугачева), в 1965–1968 годах работал в Горьковском университете (уволен по требованию КГБ и обкома КПСС).⁷

Письма Оксмана публикуются по автографам, сохранившимся в фонде Гудзия (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 34. № 55; Разд. II. Карт. 10. № 54), письма Гудзия — по автографам, хранящимся в фонде Оксмана (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 448). Тексты печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом.

За критические замечания, советы и уточнения выражаю сердечную признательность А. В. Лаврову и К. М. Азадовскому.

1

<15 сентября 1930 года. Ленинград>

Дорогой Николай Каллиникович, спасибо большое за ваш обзор, третий выпуск которого увидел впервые.¹ Думаю, что истинным благодеянием было бы для всех историков русской литературы доведение вами этого обзора до новейшей эпохи словесности, т. е. включение в сферу ваших интересов критико-библиографических исследований работ по XVIII–XX вв. Такая книга («Итоги изучения русской литературы за последнее пятнадцатилетие») была бы у вас куплена любым издательством и стала бы для всех настольной. От вас же, при размахе ваших интересов и тонком литературном чутье, не потребовала бы большого труда. Если бы удалось попасть мне в Тиберду, то уверен, что распропагандировал бы вас в этом направлении удачнее, чем в «вещном». Кстати, в Кисловодске последние недели были гораздо веселее первых. Беда только, что обижала меня очень Серафима Германовна² своей строгостью и взыскательностью. Попеняйте ей... Юркий Николоевич³ пока в Кисловодске, откуда возвратится только через три-четыре недели. Привет всем москвичам (кроме В. В. Виноградова⁴).

Ваш Ю. О.

Штемпель отправления сохранился не полностью: «Ленинград. 15.9.3(?)». Год установлен по содержанию.

¹ *Gudzij N. Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914–1926. Besprechungen. Teil 3 // Zeitschrift für Slawistik (Berlin). 1929. Bd 6. H. 1/2. S. 258–269. Предшествующие две части обзора: Ibid. 1928. Bd 5. H. 1/2. S. 153–175; H. 3/4. S. 418–471.*

⁷ Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // *Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 67–69*; Еще раз о «деле» Ю. Г. Оксмана (Фойер Л. С. О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых; Фойер-Миллер Р. Вместо некролога Кэтрин Фойер; Чудакова М. О. По поводу воспоминаний Л. Фойера и Р. Фойер-Миллер) // *Тыняновский сборник 8: Пятое Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 347–374*; *Зубарев Д. И. Писатели-диссиденты: Библиографические статьи // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 425–427*; *Русская литература. 2005. № 4. С. 195*; *2006. № 1. С. 234*; *Колобов Е. Ю. «Я подчиняюсь этому страшному приговору»: Как был исключен из Союза писателей СССР Ю. Г. Оксман. 1964 г. // Исторический журнал. 2017. № 4. С. 70–100.*

² По всей вероятности, Серафима Германовна Гроссман (урожд. Айзенгарт) — пианистка, супруга Леонида Петровича Гроссмана (1888–1965) — историка литературы, писателя, коллеги и общего друга Гудзия и Оксмана.

³ Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — историк и теоретик литературы, писатель, друг Оксмана.

⁴ Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — лингвист, литературовед, к моменту написания письма — профессор Московского государственного университета (далее МГУ) и нескольких педагогических институтов. С чем связана заключительная фраза письма, относящаяся к Виноградову, установить не удалось.

2

21.VI.1931 <Ленинград>

Дорогой Николай Каллиникович, с жадностью прочитал вашу работу, о которой только слышал несколько недель назад. Спасибо большое за память, — отклик ваш ценен поэтому вдвойне. Что сказать о статье? Лет пять назад она была бы, конечно, событием, а сейчас кажется несколько отрешенной от «веяний времени». Ваше «резюме», исключительное по тонкости, четкости и остроте формулировок, мне особенно кажется значительным и бесспорно войдет в железный инвентарь русского литературоведения, даже при максимальных завоеваниях марксистской методологии в будущем. Более спорны приемы частных анализов и сближений — много в них и от теоретиков символизма и от импрессионизма, близкого мироощущению самого исследователя. Боюсь, что за эти «уклоны» вам достанется от налитпостовских зоилов.¹ Впрочем, за стеной редакции Толстого вам уже не страшны никакие зоилы...

О себе ничего хорошего сказать не могу. Хотя особенных опасений мое нынешнее положение не внушает, но само по себе оно все же крайне неопределенно. Работаю очень много по Пушкину,² халтуру в издании академического Добролюбова,³ готовлю книгу о жанрах агитац<ионной> литер<атуры> нач<ала> XIX в.⁴ и о Влад<имире> Раевском.⁵ Попутно редактирую два тома мемуаров декабристов,⁶ рецензии Тургенева,⁷ посмертную книгу Щеголева «Будни Пушкина»,⁸ «Письма Гаршина»⁹ и еще что-то. Все лето буду пригвожден к Питеру — много дел и мало денег, ибо ГИХЛ не платит. Осенью выберусь, м. б., куда-ниб<удь> на юг, ибо старые кости уже требуют солнца. А у вас что?

Ваш Юл. О.

¹ Речь идет о статье Гудзия, посвященной теме, к которой обращался в своей работе и Оксман (о чем автор упомянул на первой же странице, рассказывая об истории изучения исследовательского сюжета предшественниками, — это объясняет благодарность Оксмана, выражаемую им в комментируемом письме): *Гудзий Н. К.* К истории сюжета романа Пушкина о бедном рыцаре // Пушкин. Сб. второй / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 145–158. Оксман также указывает на опасность возможной критики со стороны редакции и авторов журнала «На литературном посту», официального органа Российской ассоциации пролетарских писателей.

² О пушкинистских работах Оксмана этого периода исчерпывающее представление дает библиографический указатель «Труды доктора филологических наук Ю. Г. Оксмана по истории русской литературы и общественной мысли XIX–XX вв.», составленный К. П. Богаевской под редакцией Оксмана и впоследствии дополнявшийся ею вплоть до 1990-х годов: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1428; см. также публикацию, в основу которой был положен упомянутый указатель: Список печатных трудов Ю. Г. Оксмана (К 100-летию со дня рождения) / Сост. К. П. Богаевская, В. А. Черных // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 327–340.

³ *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Л., 1934. Т. 1. Литературная критика. Статьи и рецензии 1856–1858 гг. / Ред. <и комм.> Ю. Г. Оксмана; Л., 1935. Т. 2. Литературная критика. Статьи и рецензии 1859–1861 гг. / Ред. <и комм.> Ю. Г. Оксмана (об участии Оксмана в этом издании см.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт,

но не обобщен...»: Непубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 421–423).

⁴ Этот замысел Оксману удалось реализовать лишь отчасти, а в наиболее полной форме — в монографической статье «Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века» (см. прим. 11 к п. 7).

⁵ Книгу о Владимире Федосеевиче Раевском (1795–1872) — поэте, публицисте, декабристе — Оксман не подготовил, но посвятил ему несколько работ, опубликованных в 1950–1970-е годы: Неизвестные письма В. Ф. Раевского (1827–1866) // Лит. наследство. 1956. Т. 60. Декабристы–литераторы (II). Кн. 1. С. 129–170; Ранние стихотворения В. Ф. Раевского (1816–1822): 1. Первые журнальные публикации стихотворений В. Ф. Раевского; 2. Ода «Глас правды»; 3. Послание к П. С. Пушкину; 4. Сатира «Смеюсь и плачу» // Там же. С. 517–530; В. Ф. Раевский и его записки // Декабристы в Сибири. В сердцах отчества сынов. Иркутск, 1975. С. 212–225 (посмертная публикация).

⁶ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1–2 / Общ. ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова. М., 1931–1933.

⁷ *Тургенев И. С.* Соч.: В 12 т. / Под общ. ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1933. Т. 12. Статьи. Речи. Предисловия. Корреспонденции. Письма в редакцию / Комм. Ю. Г. Оксмана и М. К. Клемана при участии М. К. Азадовского.

⁸ О судьбе этих материалов, которые должны были составить основу так и не вышедшего в свет издания, см.: *Краснобородько Т. И.* «Жаль кольца» (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня — талисмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 28–29; *Фролов М.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958) // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 442–443.

⁹ См. прим. 1 к п. 3.

3

<22 апреля 1933 года. Ленинград>

Дорогой Николай Каллиникович, смиренно бьет вам челом редактор «Писем Гаршина», полное собрание которых издает «Academia». ¹ Из письма Бонч-Бруевича ² случайно узнал я на днях, что вы печатаете какие-то письма мелкобуржуазного либерала Гаршина в «Звеньях». ³ Копии этих писем В. Д. любезно предложил сообщить мне, ибо «Звенья» выйдут гораздо раньше моего тома. Однако я предпочитаю снестись с вами непосредственно, ибо точность копий должна быть заверена самим публикатором, авторитет текстологический которого снимает с меня ответственность за перепечатку. Независимо от сего, я необычайно заинтригован, ибо собрать мне удалось около 500 писем за три-четыре года самых активных розысков. Каждое лишнее письмо поэтому волнует меня уже как спортсмена, а не литературоведа. Из Московских собраний мною печатаются письма: 1) к Эртелю, 2) к Случевскому, 3) к Гольцеву, 4) к Черткову, 5) к Бахметеву, 6) Обещано мне еще письмо к Плещееву. ⁴

Что за письма у вас? С нетерпением жду вашей информации и копий самих писем, ибо нужно заблаговременно сломать нумерацию писем в моем томе. Писать о себе не хочется, ибо мы скоро с вами увидимся на Пушкинской конференции, ⁵ но писем Гаршина жду с самым истерическим нетерпением в ближайшие же дни.

Ваш Юл. Оксман

Ленинград, пр. К. Либкнехта, 69, ⁶ кв. 46.

Открытое письмо. Почтовые штемпели: «22.4.33 Ленинград», «23.4.33 Москва».

¹ *Гаршин В. М.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1934. Т. 3. Письма / Ред., статьи и прим. Ю. Г. Оксмана (издание вышло в свет в декабре 1933 года). Остальные два тома не были опубликованы. Дополнением к тому писем может служить том произведений Гаршина: *Гаршин В. М.* Соч. / Вступ. статья, ред. и комм. Ю. Г. Оксмана. 2-е изд., доп. М.; Л., 1934.

² Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — государственный деятель, революционер, историк, архивист, музейный работник, основатель и директор (в 1933–1945 годах) Государственного литературного музея; состоял в переписке с Оксманом в 1930–1950-е годы (превращенной в 1936–1946 годах в связи с трагическими обстоятельствами судьбы Оксмана). См.: НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 311. № 62; Карт. 387. № 22; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 191а, 342.

³ Речь идет об осуществленной Гудзием публикации: Два неопубликованных письма Гаршина к И. Т. Полякову // Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 799–803.

⁴ Упомянуты писатели, поэты, литературные критики, издатели, общественные деятели — корреспонденты Гаршина: Александр Иванович Эргель (1855–1908), Константин Константинович Случевский (1837–1904), Виктор Александрович Гольцев (1850–1906), Николай Николаевич Бахметьев (1847–1902), Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936), Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893).

⁵ Пушкинская конференция проходила в ИРЛИ АН СССР с 8 по 11 мая 1933 года. См.: Мануйлов В., Модзалевский Л. Хроника пушкиноведения за 1933 год // Пушкин. 1834 год. Л., 1934. С. 152–155 (Пушкинское Общество. Сер. «Последние годы творчества Пушкина». 1833–1837; вып. 2).

⁶ Современный адрес: Большой пр. Петроградской стороны, д. 69.

4

14/II 49 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Вам и Александру Павловичу¹ большое спасибо за внимание, за память, за Уч<еные> Записки. Филологи Саратова прекрасно работают и то и дело выпускают очередной том Записок. Я пока лишь бегло смог просмотреть новый том. Он очень содержателен. В частности, как всегда, солидны Ваши статьи, прекрасно документированы, убедительны и интересны по материалу.²

Полтора месяца для *Украины*, по долгу украинского ученого, пишу популярную книжку (листов в 6) о... Пушкине (sic!) — к юбилею. Не иронизируйте над дилетантом в этой священной области: нужно было, чтобы Украина тут удовлетворена была не варягами, а своим человеком. Когда напечатают, пришлю Вам.³

Как Вы живете?

Сердечный привет Вам, супруге,⁴ А<лекса>ндру Павловичу.

Искренне Ваш

Ник. Гудзий

¹ Скафтымову.

² Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1948. Т. XX. Вып. филологический. В этом издании увидели свет статья и публикация Оксмана, посвященные малоизученным моментам биографий В. Г. Белинского и А. В. Кольцова: «А. В. Кольцов и тайное „Общество независимых“» (с. 50–91), «Из разысканий в области биографии Белинского: 1. Легенда о переводе „Монфермельской молочницы“; 2. Письмо Белинского к К. С. Аксакову от 16–20 ноября 1837 г.; 3. Записка Белинского к М. А. Бакунину от 3 января 1838 г.; 4. Дата смерти Белинского» (с. 310–321).

³ *Гудзий Н. К.* Пушкин. Критико-биографический очерк. Киев, 1949. Одновременно в Киеве вышло издание этой книги на украинском языке: *Гудзий М. К.* Пушкін. Критико-біографічний нарис. Київ, 1949. К творчеству А. С. Пушкина Гудзий обращался неоднократно, начиная с 1920 года, когда опубликовал предисловие к тому избранных стихотворений поэта, изданному в Симферополе. С тех пор он выступал в качестве редактора изданий произведений поэта, рецензента и автора обзоров украинской литературы. Поэтому пушкинская тема была для него отнюдь не случайным, а давним исследовательским интересом.

⁴ Оксман Антонина Петровна (урожд. Семенова; 1894–1984) — супруга Оксмана.

5

<29 июня 1949 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,
спешу поблагодарить вас за книжку о Пушкине,¹ которую прочел немедленно же. В книжке понравились мне страницы об отношении Пушкина к Украине, о прозе Пушкина (особенно, «Кап<итанской> Дочке»), о «Современнике», о Пушкине и Николае. Вовсе не удовлетворили меня страницы о политической лирике и сатире Пушкина, о «Зеленой Лампе», вообще о Пушкине и декабристах. Не согласен я и с вашей трактовкой Александра I (ну какой же он «крепостник» и где он смотрит на дворянство как на опору трона — см. стр. 13 и 21)? «Noël» вы по старинке связываете (стр. 22) с Варшавской речью, а это ведь писано уже после Ахенского конгресса, после гораздо более красноречивых показателей лицемерия и пустословия царя, чем весенние выступления на сейме (см. дневники Н. И. Тургенева за 1818 г.).² Не ясен и адрес книжки. Основные ее части адресованы как будто бы к молодежи, к массовой аудитории, а язык суховат, чувствуется, что автор отбывает повинность, а не воодушевлен своей темой. Я вспоминаю ваши замечательные книжки о Толстом,³ которые читал еще на Колыме, — вот так нужно говорить и о Пушкине! Но лучшее — враг хорошего! Я невольно сбиваюсь на рецензию, придирчивую, а потому и несправедливую. Ведь книжки Петрова, Мейлаха, Мануйлова — много хуже вашей во всех отношениях — бесцветны, штампованы, примитивны, а претензий-то — как будто Америку открывают в каждой главе! Ну, да бог с ними!...⁴

Очень соскучился я по вас, дорогой Николай Каллиникович. В прошлом году весной мне не пришлось вас застать в Москве. Авось, застану летом или в сентябре, если буду жив. Эта оговорка отнюдь не кокетство. За последний год я состарился (прежде всего душевно) лет на десять, аннулировав десять лет консервации во льдах дальнего севера.⁵ Мои надежды на то, что через два-три года я смогу войти в нормальную жизнь, не оправдались. Наоборот, с каждым следующим годом я убеждаюсь, что не закрепляю свои общечеловеческие позиции, а строюсь на трясине. Дело вовсе не в том, что меня «с оглядкой выводят на показ», что мои работы лежат без движения (а написал я в Саратове за два года больше, чем в доброе старое время писал в 10 лет!). Все это пустяки в сравнении с главным — бесперспективностью, неуверенностью даже в завтрашнем дне, который определяется иррациональными факторами, а не моим поведением!⁶ Простите, если испортил вам несколько минут хорошего настроения.

Ваш

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.⁷

Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: «29.6.1949. Саратов».

¹ См. п. 4 и прим. 3 к нему.

² В отзыве о книге Гудзия Оксман не мог не затронуть вопрос, привлекавший его внимание на протяжении нескольких десятилетий (по крайней мере, с конца 1920-х годов, когда значительная часть архивных и печатных материалов к теме была уже собрана ученым). В окончательном виде его точка зрения на датировку и творческую историю стихотворения «Noël» и других стихотворений этого периода, подкрепленная результатами архивных и библиографических поисков, была выражена в статье «Политическая лирика и сатира Пушкина» (Проблемы истории, культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1990. Вып. 6. «Тамиздат». От осуждения — к диалогу. Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. С. 63–89). Прочитываем фрагмент этой статьи: «Первый стихотворный памфлет на Александра I — „Ура! В Россию скачет кочующий деспот“ — появился в Петербурге в конце декабря 1818 г. <...> Стихи приурочены

были к возвращению Александра I в столицу с Аахенского конгресса (22 декабря 1818 г. он приехал в Царское Село). Именно на этом конгрессе русский царь выявил себя до конца как знаменосец феодальной реакции, как послушный ученик австрийского государственного канцлера Меттерниха, как верный союзник Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов <...> Время создания памфлета <...> в течение многих десятилетий ошибочно определялось весной 1818 г. Эта комментаторская традиция <...> основывалась на том, что пушкинский „Ноэль“ являлся якобы откликом на речь императора Александра I 15/27 марта при открытии первого сейма Царства Польского. В этой речи царь обещал не только строго соблюдать польскую конституцию, но и реорганизовать на конституционных началах государственный строй всей российской империи. Передовая общественность очень сочувственно реагировала как на варшавское выступление, так и на подтверждение царем этих обещаний в октябре 1818 г. в беседе с маршалом Мезоном (здесь Оксман ссылается на издание «Дневники и письма Н. И. Тургенева» (М., 1921. Т. 2, 3). — М. Ф.). Разумеется, ни весной, ни осенью 1818 г. у Пушкина не могло быть еще никаких оснований для объявления деклараций Александра I „сказками“. В. Д. Рак и М. Д. Эльзон относят к 1949 году оформление разработанной Оксманом концепции. Она касалась связи Пушкина с декабристским движением и позволяла, с точки зрения ученого, по-новому датировать целый ряд произведений 1817–1820 годов, относимых Оксманом к жанру «политической лирики и сатиры». Разработке и корректировке этой концепции был подчинен и цикл лекций «Пушкин и декабристы», прочитанный Оксманом в СГУ в 1950–1957 годах. Именно такую, ориентированную на университетскую аудиторию, «редакцию» работы опубликовал в 1971 году коллега Оксмана, много сделавший для него при жизни, а также всемерно способствовавший сохранению доброй памяти об ученом после его кончины, — историк, профессор СГУ Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998), см.: Оксман Ю. Г. Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сб. I. Саратов, 1971. С. 70–88. 22 мая 1951 года Оксман сообщил писательнице, литературному критику, редактору Лидии Корнеевне Чуковской (1907–1996): «Институт Истории Акад<емии> Наук, обещавший напечатать несколько глав из моей работы к 125-летию декабристов, до сих пор не удосужился даже сдать юбилейный сборник в типографию» (Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970) / Предисловие и комм. М. А. Фролова; подг. текста М. А. Фролова и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6. С. 137). О месте этой исследовательской темы (итогом которой ученый мыслил монографию) в научной работе Оксмана в 1920–1960-е годы см.: Русская литература. 2003. № 4. С. 190–191; 2004. № 1. С. 152–153 (комм. к письму Оксмана Т. Я. Арьеву от 22 июня 1955 года); 2005. № 4. С. 186 (письмо к П. Н. Беркову от 26 декабря 1963 года). В подготовительных материалах к незаписанной монографии «Пушкин и декабристы», расшифрованных по рукописям ученого А. Е. Софроновой и Е. О. Селезневой, также содержатся интересные замечания, касающиеся проблем датировки и хронологии применительно к «политической лирике и сатире» Пушкина (Оксман Ю. Г., Пугачев В. В. Пушкин, декабристы и Чаадаев / Сост., вступ. статья и прим. Л. Е. Герасимовой, В. С. Парсамова, В. М. Селезнева. Саратов, 1999. С. 236–252). К упомянутой статье и лекции Оксмана примыкает и монографическая статья, которая фрагментарно была им изложена в докладе в 1955 году на Седьмой Всесоюзной Пушкинской конференции, а полностью — в 1964 году во Всесоюзном музее А. С. Пушкина: Пушкинская ода «Вольность» (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы и социально-экономической мысли: Межвузовский науч. сб. Саратов, 1989. Вып. 5. Ч. 2. Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана. С. 3–33. См. также: Гришунин А. Л. 1) Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. 3. С. 269–290; 2) Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина // Там же. М., 1999. Вып. 6. С. 338–372. Существенные дополнения и уточнения, а главное — подробный источниковедческий анализ проблемы, отсутствие которого Оксман ставил в вину своим оппонентам в 1950–1960-е годы, содержатся в новейших исследованиях Д. П. Ивинского 2006–2011 годов, им также были выявлены и подробно проанализированы французские литературные и исторические контексты оды: Ивинский Д. П. 1) Ода «Вольность» // Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 14–37; 2) Ода Пушкина «Вольность»: Источники текста // Вестник Московского ун-та. 2006. Сер. 9. Филология. № 1. С. 47–69; 3) Ода Пушкина «Вольность»: французские контексты // Известия ОЛЯ РАН. 2011. № 1. С. 22–28.

³ Жизни и творчеству Л. Н. Толстого посвящены несколько книг и популярных брошюр Гудзия 1930–1940-х годов: Как работал Л. Толстой. М., 1936; Лев Толстой. Свердловск, 1942; Лев Толстой. М., 1943 (2-е изд.: 1944); Лев Николаевич Толстой. М., 1944 (в сер. «Великие русские люди» издательства «Молодая гвардия»); Лев Толстой. Киев, 1947; Л. Н. Толстой (1828–1910). М., 1949. Кроме того, в 1944 году была издана стенограмма публичной лекции ученого, прочитанной 18 августа 1944 года в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве, а в 1945 году — стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 декабря 1944 года в Колонном зале Дома Союзов.

⁴ Упомянуты, по всей вероятности, следующие книги, приуроченные к 150-летию со дня рождения поэта: Петров С. М. А. С. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1949; Мейлах Б. С.

А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М., 1949; Мануйлов В. А. А. С. Пушкин. 1799–1837. Очерк жизни и творчества. Псков, 1949. Их авторы — литературоведы Сергей Митрофанович Петров (1905–1988), Борис Соломонович Мейлах (1909–1987), Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987).

⁵ Оксман был арестован 6 ноября 1936 года в Ленинграде по доносу сотрудницы ИРЛИ Евгении Васильевны Михайловой (1903 — ?), осужденной в декабре 1939 года. В конце февраля 1937 года ученый был переведен в Москву, а затем осужден постановлением ОСО НКВД СССР от 15 июня 1937 года к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, в 1941 году, по истечении первого срока, получил еще пять лет «за клевету на советский суд» (срок отбывал в Омске, на Колыме, Индигирке, в Магадане, последние два года — почти на вольном поселении). Освобожден в ноябре 1946 года, в Москве оказался в декабре. См.: *Приходько В.* Дутое дело пушкинистов // *Московская правда*. 1999. 5 июня. № 104; 8 июня. № 105 (материалы следственного дела Оксмана 1936–1937 годов); *Райzman М.* 1) Юлиан Оксман в письмах и документах // *Магаданская правда*. 2008. 18 янв. № 5. С. 11; 25 янв. № 8. С. 20; 1 февр. № 11. С. 20; 2) Колымский след в судьбе профессора Ю. Оксмана // *Северо-Восточный научный журнал*. 2011. № 2. С. 39–46; *Фролов М.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». С. 431–473.

⁶ В апреле 1947 года, при поддержке литературоведа Григория Александровича Гуковского (1902–1950) и А. П. Скафтымова и благожелательном содействии ректора П. В. Голубкова, Оксман получил должность профессора на кафедре истории русской литературы СГУ, где проработал до 1958 года (см. прим. 4 к п. 25). За первые два года пребывания в Саратове им был подготовлен ряд публикаций, посвященных Пушкину, Лермонтову, Белинскому, Рылееву и агитационно-пропагандистской литературе первой четверти XIX века. Материалы ко многим из них были собраны и критически исследованы ученым задолго до ареста. Со значительными задержками, обусловленными цензурными и административными препятствиями, эти публикации (общим числом около 30), включая рецензии и микропубликации новых текстов и документальных материалов, а также монографическую статью «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ», все же увидели свет в 1948–1955 годах на страницах «Ученых записок», «Литературного наследства», научных ежегодников и исторических сборников (в ряде случаев — под псевдонимами и за чужими подписями). В письме Оксман цитирует «Литературную исповедь» (1854?) П. А. Вяземского, а именно строки, обращенные к В. Т. Плаксину и А. Д. Галахову: «Браковщики живых и судьи славных прахов, / С оглядкою меня выводят напоказ, / Не расточая мне своих хвалебных фраз».

⁷ Гудзий (урожд. Дунаевская; 1892–1966) Татьяна Львовна — супруга Гудзия; Гудзий Анна Каллиниковна — сестра Гудзия; помогала брату в составлении библиографии его трудов.

6

4/VII 49 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич,

Спасибо Вам дружеское прежде всего за то, что прочли мою дилетантскую книжку о Пушкине, которую я не позволил бы себе писать, будучи в пушкинских делах лишь подмастерьем, если бы к этому меня не обязывал мой *украинский* академический мундир: нужно было, чтобы от Украины написал о Пушкине не «варяг», а свой человек.¹ Написал книжку я меньше чем в 1½ месяца и потому не столь солидно, как мог бы сделать это даже я, не специалист.

С благодарностью принимаю Ваши замечания и возражения и не вступаю относительно их с Вами в спор, а подумаю над Вашими указаниями. С одним лишь я не согласен с Вами — что книжка написана сухо и без любви к тому, о чем писал, для того лишь, чтобы отделаться. Написана она, по моему, вовсе не сухо, и не плохим языком, но без украшательств и патетики, которых не выношу. Хотя и в большой спешке, написал я книжку *con amore*,² потому что Пушкин для меня самый дорогой спутник, самое священное и дорогое в нашей культуре. За него отдам я всю нашу литературу, не исключая и Толстого.

Мне было очень грустно читать пессимистические строчки Вашего письма. Понимаю, что Вы не можете осуществить и десятой доли того, на что Вы

способны. Но не падайте, Бога ради, духом. Впереди, мне кажется, — облегчение для литературной братии и какие-то просветы. Особенно замутилась атмосфера в Ленинграде (Гуковский, Азадовский, Эйхенбаум и др.). Но я уверен, и они сядут на свои места. Только что уехал из Москвы М. К. Азадовский, который приехал сюда искать правды и, видимо, кое-чего добьется, хоть Бельчиков, как директор Пушкинского дома, не очень идет ему навстречу.³

Был на Пушкинских торжествах в Л<енин>гр<аде>, Пскове, Михайловском. Вероятно, на днях придется поехать в Киев и Львов.⁴ Где и как буду проводить лето, еще не знаю. Вероятно, в августе буду в Болшево. Искренно буду рад повидаться с Вами.

Мои Вам кланяются. Сердечный привет мой Вам и жене.

Дружески Ваш Ник. Гудзий

¹ С Украиной Гудзий был связан с самого своего рождения — он родился в городе Могилеве-Подольском. В 1911 году окончил славяно-русское отделение филологического факультета Киевского университета, в котором спустя три года начал преподавать; в мае 1918 года перешел на работу в Таврический университет в Симферополе (филиал Киевского университета), где преподавал (до своего отъезда в Москву в конце 1921 года) на кафедре русской литературы в должности экстраординарного профессора. Наконец, в 1945 году ученый был избран действительным членом Украинской Академии наук, впоследствии заведовал отделами русской и древнеукраинской литератур Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Его библиография насчитывает несколько десятков публикаций по истории украинской литературы и русско-украинских литературных связей. См. прим. 3 к п. 33.

² с любовью (*итал.*)

³ Речь идет о политической кампании по борьбе с космополитизмом, коснувшейся в Ленинграде, в частности, двух крупнейших центров отечественной филологической науки — ИРЛИ и Ленинградского государственного университета. Гуковский, вернувшийся на работу в Ленинград из Саратова после эвакуации в июне 1946 года, был арестован 25 июля 1949 года и в следующем году умер в Москве, в Лефортовской тюрьме, не дожив до окончания следствия. Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) и Марк Константинович Азадовский (1888–1954) с оскорбительными формулировками были уволены с работы в Пушкинском Доме и ЛГУ в мае 1949 года, подверглись предельно грубой и безосновательной критике, что, естественным образом, не могло не отразиться на печатной судьбе их научных работ и на состоянии здоровья. Азадовский, директивные нападки на которого в печати, на научных и партийных собраниях, заседаниях и дискуссиях имели место еще в 1947–1948 годах, не успел увидеть изданными многие написанные им фундаментальные труды. Лишь в 1950 году стал возможен выход в свет некоторых его научных работ. 24 апреля 1949 года Оксман писал К. П. Богаевской: «О Ленинграде знаю только в самых смутных очертаниях — по газет<ному> отчету в университетской газетке. Но там нет ни слова о том, что произошло в Пушкинском Доме. Если вы что знаете об этом — обязательно напишите. Мои друзья еще хранят молчание» (РГАЛИ. Ф. 1633. Оп. 4. № 11. Л. 35 об.). 8 октября 1949 года датировано письмо Оксмана к литературоведу Борису Яковлевичу Бухштабу (1904–1985), в котором есть такие строки: «Очень беспокоит меня участь Бориса Михайловича, но писать ему мне почему-то очень сейчас трудно». Спустя несколько месяцев, 23 февраля 1950 года Оксман в письме П. Н. Беркову выражал беспокойство о судьбе Азадовского, считая его возвращение к работе «частью общего научного и литературного долга перед страной» (Русская литература. 2003. № 3. С. 162, 167). Добавим, что только в сентябре 1956 года, спустя семь лет после увольнения, Эйхенбаум возобновил работу в Пушкинском Доме. Литературовед Николай Федорович Бельчиков (1890–1979), директор Пушкинского Дома в 1949–1955 годах (на которого было возложено осуществление партийной программы в отношении представителей академической науки), активный недоброжелатель Азадовского, препятствовал его возвращению к научной и преподавательской работе. Гудзий в 1949–1950 годах неоднократно ходатайствовал о судьбе Азадовского, лично встречаясь с заведующим кафедрой советской литературы ЛГУ и сектора печати Ленинградского горкома ВКП (б) Александром Григорьевичем Деметьевым (1904–1986), начальником Главного управления университетов, членом коллегии Министерства высшего образования СССР в 1949–1951 годах Кузьмой Фомичем Жигачем (1906–1964), с литературоведом, в 1946–1949 годах сотрудником аппарата ЦК КПСС Иваном Васильевичем Сергиевским (1905–1954), академиком АН СССР В. В. Виноградовым и, наконец, с самим Бельчиковым. См.: *Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: В 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 40–111, 138–169, 201–202, 218–223, 234–252, 258–312, 316–361, 363–429, 433–470, 500–524; Азадовский М. К., Оксман Ю. Г. Переписка. 1944–1954 / Изд. подг.*

К. Азадовский. М., 1998. С. 110–165; *Азадовский К. М., Егоров Б. Ф.* 1) О низкопоклонстве и космополитизме // Звезда. 1989. № 6. С. 157–186; 2) «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135; «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 68–76, 81, 83. Происходившие тогда трагические события в истории отечественной науки как бы «отраженным светом» коснулись и Оксмана — в октябре 1949 года в «Литературной газете» вышла статья, которую по жанру и тону вернее определить как пасквиль на 20-й том «Ученых записок» СГУ (1948). В ней, в частности, была подвергнута критике статья Оксмана «А. В. Кольцов и тайное „Общество Независимых“», опубликованная в томе (*Пермяков Г.* Жизнь знай себе идет и проходит... // Литературная газета. 1949. 8 окт. № 80. С. 3). Оксман выступил с оповедью на грубый выпад Пермякова во время его обсуждения на открытом партийном собрании в СГУ в конце 1949 года. Об этом он писал своему давнему (с 1917 года) знакомому, писателю, историку литературы, критику, переводчику Корнею Ивановичу Чуковскому (1882–1969) 28 декабря 1949 года (*Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969] / Предисловие и комм. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 20).

⁴ Пушкинские торжества были приурочены к 150-летию со дня рождения поэта.

7

24/XII <1951 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,
прочел только что вашу рецензию на книгу Г. Макогоненко о Новикове,¹ и сразу же захотелось хоть в двух словах сказать вам о том, что давно я не читал ничего более умного и тонкого по линии критических разборов наших литературоведческих монографий*. Да, пожалуй, это именно ваш жанр, которым вы напрасно пренебрегаете. Ведь даже в «Советской Книге» только ваши рецензии стоят на той высоте, которая удовлетворяет специалистов, помогает росту наших филологических кадров, поднимает уровень рядовых читателей.² Я бы только решительно протестовал против вашей тенденции ограничивать круг ваших разборов книгами по древней литературе. Вы принадлежите к числу тех литературоведов, которые с одинаковым авторитетом могут судить и работы о «Слове о полку Игореве», и разыскания о летописных *сводах*, и новинки пушкинианы, и академическое издание Гоголя, и литературу о Толстом, и материалы о символистах.³ Пожалуй, только вы и остались у нас сейчас самым авторитетным представителем интересов литературоведения как науки. Н. К. Пиксанов⁴ давно и безнадежно потерял свой научный престиж, Д. Д. Благой⁵ им никогда не обладал, А. И. Белецкий⁶ — это профессор элоквенции, широко образованный софист, а не передовой ученый, Н. Л. Бродский⁷ — уже в могиле. Об исследователях камерного типа я не говорю, а В. М. Жирмунский — очень большой ученый — к изучению русской литературы только по временам «прикладывал лапку».⁸ Вот видите, как далеко меня завели впечатления от вашей статьи в «Большевике» о Новикове. Давно прошло то время, когда мое мнение что-нибудь значило хотя бы для моих друзей и учеников, но никак не могу отрешиться от привычки даже в саратовских условиях рассуждать «в общесоюзных масштабах» о судьбах нашей науки. Знаете ли, что я часто отводил душу в письмах к Н. Л. Бродскому и Н. И. Мордовченко, людям, несоизмеримым ни в каком отношении, но которых я очень любил — одного как своего старшего коллегу, горевшего теми же интересами, которыми жил и я, другого — как своего ученика и друга. В этом году я потерял их обоих.⁹ Бесконечно счастлив, что прошлым летом, когда я жил в Переделкине, Ник<олай> Ив<анович> приехал ко мне на три дня из Ленинграда, а у Ник<олая> Леонтьевича я провел вечер в феврале этого года. Вы отдыхали в ту пору в Узком, а потому мне не удалось повидаться с вами**.

Но еще досаднее, что я не видел вас этим летом: я жил под Москвою, часто бывал в городе, но вас не было в Москве. Надеюсь приехать хоть на несколько дней в конце января, авось на этот раз буду счастливее и повидаю вас...

А в Макогоненке вы очень проникновенно определили и его «шуйцу» и «десницу»! В сущности говоря, ведь в Макогоненке ожили все характернейшие черты его учителя. Читая его книгу, я иногда забывал, что это Макогоненко, и хотел спорить с Гуковским. Читая вашу рецензию, я невольно относил ее ко всей школе...

Что же вам сказать о себе? После выхода в свет томов «Лит<ературного> Нас<ледства>», где появились за полными моими подписями, за псевдонимами и даже за чужими именами некоторые из моих работ о Белинском, мне «морально» стало много легче. Две работы о Бел<инском>, которые лежали в Саратовской типографии без движения с 1948 г., пошли в машину и в серед<ине> января, вероятно, выйдут в свет. В ближайшем пушкинско-лермонтовско-гоголевском томе печатаются мои статьи, изъятые в свое время из «Нового мира» и «Звеньев» (в том числе и статья «Пушкин в работе над „Историей Украины“», которая в 1947 г., когда она была набрана для «Звеньев», представляла бы большой интерес, а сейчас как-то потухла, ибо некот<оры>е мои положения утратили интерес новизны и политич<ескую> остроту).¹⁰ Сейчас занимаюсь декабристами. Написал нечто об «Обществе Соед<иненных> Славян», над чем работал ровно 25 лет (а результат — 3 печат<ных> листа).¹¹ Для след<ующего> тома «Л<итературного> Н<аследства>» у меня вчерне сделана работа «Полит<ическая> лирика и сатира Пушкина 1817–1820 г.».¹² Но хотелось бы это оформить получше, а потому не уверен, что смогу ее сдать в феврале, как требует редакция. Весною исполняется 5 лет со дня моего внедрения в Саратовский университет. Удивительное дело: с каждым годом я чувствовал себя менее прочно, хотя работал лучше и больше. И чем сильнее я предполагал к себе студенчество, тем суше относился ко мне ректорат. Хорошо, что мы сейчас все стали разбираться в диалектике!

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

Ваш Юл. Оксман

* Я не могу судить о вашем учебнике древ<ней> лит<ературы> в его новом варианте.¹³ Но Т. М. Акимова,¹⁴ кот<ора>я ведет у нас древ<нюю> лит<ературу>, считает это новое издание *замечательным* по мастерству переделки.

** Но в «Вест<нике> Москов<ского> Универ<ситета>» я прочел вашу статью об «Энеиде» и даже нашел в ней упоминание о моей заметке, кот<о>рую сам не могу вспомнить!¹⁵

Год установлен по содержанию.

¹ Гудзий Н. К. Книга о русском просветителе XVIII века [Рец. на: Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951] // Большевик. 1951. № 21. С. 67–73. Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912–1986) — литературовед, специалист по истории русской литературы XVIII–XIX веков, текстолог. Обе редакции этой рецензии (краткая, опубликованная в журнале, и полная), а также верстка с сокращениями сохранились: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 5. № 61, 62.

² В 1946–1952 годах в журнале «Советская книга» регулярно появлялись рецензии Гудзия (члена редколлегии журнала, заведовавшего отделом литературы и языка) на академические издания литературных памятников, хрестоматии, труды коллег-филологов. См. полный перечень рецензий Гудзия в «Советской книге»: Библиография трудов Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Н. К. Гудзии. М., 1968. С. 164–170.

³ Творческая история, и шире — текстология произведений Л. Н. Толстого еще в середине 1920-х годов плотно вошли в круг научных интересов Гудзия, со временем став в ряд центральных тем его исследовательской работы. К 1933 году, когда из печати вышли 27-й и 32-й тома

юбилейного Полного собрания сочинений писателя, включившие подготовленные ученым тексты «Воскресения», «Крейцеровой сонаты», «Плодов просвещения», «Дьявола» (сопровождаясь его текстологическими пояснениями и научными комментариями), Гудзий уже был автором нескольких статей, занявших заметное место в обширной литературе о Толстом, см.: Библиография трудов Н. К. Гудзия. С. 153–160. Впоследствии, в 1934–1939 и в начале 1950-х годов Гудзий принял ближайшее участие в подготовке еще девяти томов юбилейного издания, включивших отредактированные и прокомментированные им лично и совместно с коллегами тексты «Анны Карениной», черновые редакции и варианты «Воскресения», тексты целого ряда художественных и публицистических сочинений малой формы 1880-х, 1904–1906 годов. В наследии Гудзия насчитывается еще несколько десятков статей и публикаций, посвященных Толстому, включая научную редактуру изданий повести «Казаки» и романа «Воскресения» в серии «Литературные памятники», вышедших в 1963–1964 годах. С начала 1920-х годов Гудзий занимался также и историей русского символизма. В 1923–1924 годах Гудзий вел «Семинарий по русскому символизму» во 2-м Московском университете (протоколы заседаний см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 10. № 5). В сборнике «Искусство» (М., 1927. Кн. 4) увидела свет его статья «Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты»)». Ученый в 1923–1930 годах активно участвовал в работе Государственной Академии художественных наук, являясь ее действительным членом и заведующим подсекцией русской литературы (с 1925 года). Кроме того, перу Гудзия принадлежит обширная статья: *Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 465–549.* Впоследствии, в 1930-е годы он продолжил изучение истории символизма, обратившись к раннему периоду творчества В. Я. Брюсова в академической серии «Литературное наследство», в ее «символистском» томе (М., 1937. Т. 27–28) Гудзий опубликовал статью «Юношеское творчество Брюсова», первоначальная редакция которой называлась «До-символистский Брюсов» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 14). В архиве Гудзия хранятся материалы к первому тому предполагавшегося 12-томного собрания сочинений Брюсова (1937), в том числе — списки стихотворений рукой И. М. Брюсовой и составленный ученым библиографический список «Социологическая природа символизма» (Там же. Карт. 1. № 12; Карт. 9. № 5). См. также подготовительные материалы к статье о русском символизме и к статье «Юношеское творчество Брюсова» (Там же. Карт. 1. № 10) и черновой автограф плана лекций «Пушкин и Блок» (Там же. Разд. II. Карт. 2. № 13; 1920-е годы).

⁴ Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969) — текстолог, библиограф, специалист по истории древнерусской литературы и русской литературы первой половины XIX века, профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (1931). Оксман считал его своим учителем (лекции Пиксанова в Петербургском университете Оксман посещал с 1912 года), более того — в 1924 году Пиксанов был научным редактором первого издания «Летописи жизни Белинского», составленной Оксманом в соавторстве с Н. Ф. Бельчиковым и П. Е. Будковым. Но в 1940–1960-е годы Оксман зачастую был склонен скептически оценивать его труды, выходявшие из печати в это время. Кроме того, охлаждению их отношений способствовало участие Пиксанова в политических кампаниях и проработках конца 1940-х годов — публичное выступление против Гукковского в апреле 1949 года (*Азадовский М. К., Оксман Ю. Г. Переписка. 1944–1954. С. 42–43, 117.*)

⁵ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — историк литературы, пушкинист.

⁶ Белецкий Александр Иванович (1884–1961) — литературовед, специалист по истории русской, украинской и западноевропейской литератур XVII–XIX веков, театровед. Оценка, данная Оксманом в письме («профессор элоквиенции», от *лат.* *eloquentia* — красноречие), связана с тем, что, по его субъективному мнению, объем возложенных на Белецкого после войны обязанностей, количество должностей и регалий были несопоставимы с его реальным значением и авторитетом в научном мире. В 1940–1950-е годы Белецкий возглавлял Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, заведовал кафедрой русской литературы в Киевском университете, в 1939 году был избран академиком АН УССР, а в 1946 году — членом-корреспондентом АН СССР (в 1958 году — академиком).

⁷ Бродский Николай Леонтьевич (1881–1951) — литературовед, педагог.

⁸ Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — лингвист, литературовед, специалист по теории литературы, истории немецкой и английской литератур, стиховед, фольклорист. Его обращение к русской литературе было связано, прежде всего, с изучением русской поэзии начала XX века, творчества Александра Блока, Анны Ахматовой и Валерия Брюсова — им посвящены несколько книг и статей Жирмунского.

⁹ Мордовченко Николай Иванович (1904–1951) — специалист по истории русской поэзии и литературной критики XIX века, а также литературному наследию декабристов, библиограф, ученик Оксмана в ЛГУ.

¹⁰ Перечислим упомянутые Оксманом публикации в порядке их появления в печати: Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Предисловие и общ. ред. А. Осокина [Ю. Г. Оксмана] // Лит. наследство. 1950. Т. 56. В. Г. Белинский. [Кн. 2]. С. 87–200; Переписка

Белинского. Критико-библиографический обзор // Там же. С. 204–254; Мнимые статьи молодого Белинского // Лит. наследство. 1951. Т. 57. В. Г. Белинский. [Кн. 3]. С. 564–567; Из разысканий о Пушкине. I. Неосуществленный замысел «Истории Украины». II. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» // Лит. наследство. 1952. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 211–242; <Письмо> А. А. Краевского и В. Ф. Одоевского к Пушкину // Там же. С. 289–296; Лермонтов в записках А. И. Арнольди / Публ., введение и прим. Ю. Г. Оксмана // Там же. С. 449–476; Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1952. Т. XXXI. Вып. филологический. С. 111–204; К истории работы Белинского в «Телескопе»: I. Белинский накануне «Литературных мечтаний»; II. Н. А. Полевой — сотрудник «Телескопа»; III. Белинский и литературно-театральный салон Н. С. Селивановского // Там же. С. 230–262. Том «Ученых записок», содержащий статьи Оксмана, вышел в свет лишь в конце 1952 года, хотя был задуман как издание, приуроченное к 100-летию со дня кончины Белинского. О подлинной причине столь длительной задержки с публикацией писали В. Д. Рак и М. Д. Эльзон — «боязнь администрации Саратовского университета выпускать в свет книгу со статьями „неблагонадежного“ автора, предлагавшего расходящуюся с официальной трактовку письма Белинского к Гоголю». Об этом говорит и письмо Оксмана П. Н. Беркову от 29 октября 1952 года: «Отпечатанный и переплетенный еще в феврале (в типографии он лежал с 1949 г.), этот сборник задержан Ректором, опасаясь, „как бы чего не вышло“. Я сейчас ультимативно требую выпуска сб<орник>а в свет. Поддерживают меня два факультета — филол<огический> и исторический» (Русская литература. 2003. № 3. С. 172; № 4. С. 183). Немаловажную роль сыграла некоторая двусмысленность положения Оксмана: работа, включившая последовательное изложение результатов многолетнего изучения и сопоставительного анализа всех сохранившихся списков письма Белинского к Гоголю и главный итог этой работы — критически установленный текст письма — появилась в томе «Литературного наследства» за подписью старейшего сотрудника редакции, библиографа и историка литературы Ксении Петровны Богаевской (1911–2002), давней знакомой Оксмана, которая взяла на себя трудную роль его «соавтора»: Письмо Белинского к Гоголю / Статья и публ. К. Богаевской; комм. Я. З. Черныя // Лит. наследство. 1950. Т. 56. С. 513–605. К сказанному следует добавить несколько строк из письма Оксмана к Богаевской от 13 февраля 1949 года: «...разумеется, проект, предлагаемый мудрейшим Сергеем Алек<сандровичем> <Макашиным>, самое для меня удобное разрешение вопроса о формах публикации в „Лит<ературном> Н<аследстве>“ моей работы. Т. е., конечно, это разрешение лучше всего устраивает „Л<итературное> Н<аследство>“, ибо затыкает мне рот, позволяет широчайшим образом использовать все то, что уже мною сделано, не требует дополнительных матер<иальных> затрат и т. д. и т. п. Но, учитывая конъюнктуру трезво, я понимаю и важность для „Л<итературного> Нас<ледства>“ публикации „Письма“ и невозможность ссориться из-за меня с Пуш<инским> Домом. Понимаю, что не воспользоваться моим текстом нельзя, что мое решение проблемы текста письма к Гоголю является единственно правильным и т. д. и т. п. Остается путь передачи „своими словами“ моих наблюдений. Кто же это сделает лучше вас? Разумеется, никто <...> Но одно условие я все-таки хочу поставить „Лит<ературному> Нас<ледству>“ категорически. В предисловии, в послесловии или в примечании должно быть оговорено, что значение списка Л<енинской> Б<иблиотеки>, как авторитетнейшей из дошедших до нас копий письма, установлено мною в докладе в Инст<итуте> Истории А<кадемии> Н<аук> в марте 1948 г. Никому не возбраняется использовать мои соображения, но недопустимо в академическом издании и умолчание об этом факте <...> Вопрос идет не о претензиях самолюбия, а о научной чести <...> Появление в „Лит<ературном> Нас<ледстве>“ текста письма без малейших ссылок на мою работу над ним естественно вызывает вопрос о моем плагиате, о присвоении мною результатов исследов<ательской> работы „Л<итературного> Нас<ледства>“» (РГАЛИ. Ф. 1633. Оп. 4. № 111. Л. 15–16). Ср. в письме Л. К. Чуковской от 22 мая 1951 года: «Ситуация была в прошлом году еще такова, что я не мог защитить своего достоинства и продал свое первородство за чечевичную похлебку в самом точном смысле этого слова — за 8 тысяч рублей и за публикацию с моим именем хотя бы одной из трех работ, сделанных мною в 1948 г. для „Лит<ературного> Нас<ледства>“» (Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970). С. 137). См. также письмо Оксмана Чуковскому от 26 ноября 1952 года (Оксман Ю. Г., Чуковский К. И. Переписка [1949–1969]. С. 38–40).

¹¹ См.: Оксман Ю. Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века: [I. «Воззвание к сынам Севера»; II. «Пифагоровы законы» и «Правила Соединенных Славян»] // Очерки по истории движения декабристов: Сб. статей / Под ред. Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского. М., 1954. С. 451–515.

¹² См. п. 5 и прим. 2 к нему.

¹³ Гудзий Н. К. История древней русской литературы: Учебник для высш. учеб. заведений. 4-е изд., перераб. М., 1950. См.: Кусков В. В. Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 170–175. См. также полемику начала 2000-х годов, развернувшуюся в связи с выходом в 2002 году очередного,

8-го переиздания учебника Гудзия (с предисловием А. М. Ранчина): *Проскурин О. А.* Древнерусская идея: учебник сталинской эпохи как постмодернистский феномен // *Консерватор*. 2002. 15–21 нояб. № 11; *Ранчин А. М.* В защиту «сталиниста» Н. К. Гудзия, или Какой может или не может быть история древнерусской словесности // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 1 (59). С. 571–589.

¹⁴ Акимова Татьяна Михайловна (1899–1987) — литературовед, фольклорист, этнограф (ученица Б. М. Соколова), педагог, с 1938 года — профессор кафедры русской литературы филологического факультета СГУ.

¹⁵ См.: *Гудзий Н. К.* «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная проза XVIII века // *Вестник Московского ун-та*. 1950. № 7. С. 127–143. На с. 132 статьи Гудзий ссылается на работу: *Оксман Ю.* К истории опубликования «Энеиды» И. П. Котляревского // *Атеней: Историко-литературный временник*. Л., 1926. Кн. 3. С. 152–154.

8

31/ХП 51 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю Вам счастья, здоровья, всяческих успехов и всяческих нечаянных радостей.

Вы очень обрадовали и очень взволновали меня своей похвалой моей рецензии на книгу Макогоненко. Получить такую похвалу из уст такого образованного и талантливого литературоведа, каким Вы по праву считаетесь, — большая честь и большой импульс для работы. С большим правом Ваши похвалы по моему адресу я мог бы отнести к Вашим работам. Когда два месяца назад я был в Ленинграде и навестил М. К. Азадовского, он очень тепло и уважительно говорил мне о Вашей статье «Переписка Белинского», напечатанной в «Лит<ературном> насл<едстве>», о том, как тонко, с каким прекрасным знанием материала она написана, и я совершенно разделяю его оценку. Думаю, что если бы Вы напечатали все, что у Вас накопилось за многие годы, Вы значительно обогатили бы наши литературоведческие сведения.¹

О книге Макогоненко я, не желая мешать ему в выдвижении на Сталинскую премию, написал снисходительнее, чем я о ней думаю. В основном книга мне не по душе. Это книга, которой не веришь, потому что она чрезмерно криклива и бьет на эффект. Страсть удивить мир чем-то новым, чему, б<ыть> м<ожет>, не верит и сам автор, характерная черта Макогоненко. Это признак легкомыслия и малой духовной культуры. Мои возражения Макогоненко в «Большевике» значительно сокращены. В этом журнале, рассчитанном на миллионного читателя, пришлось говорить не только о рецензируемой книге, но и о самом Новикове — самые элементарные вещи, что не входило в мою задачу. Поэтому на рассуждения о книге осталось мало места. Пришлось выпустить более детальные соображения о том, что в XVIII в. значило «сочинение» и «сочинитель», защиту Семенникова против упреков по его адресу в формализме² и многое другое. Щадя автора, не упомянул, что он переврал даже общеизвестную цитату из Радищева, которым сам усиленно занимался. Вы правы, что ученик заимствовал многое от своего учителя, притом не лучшее, а, пожалуй, худшее.

Мне было совестно и конфузно — в порядке самокритики читать то, что Вы пишете о моих качествах как литературоведа. Вы, дорогой друг, так преувеличили мои данные, что вогнали меня в краску. Я, например, никогда не ставил себя в один ряд с А. И. Белецким, ученым потрясающей эрудиции в самых разнообразных областях литературы и литературной науки, пожалуй, порой и софиста, но блестящего софиста.

Я очень радуюсь тому, что у Вас так много заготовлено для печати. Как своим успехам, буду радоваться Вашим новым успехам.

А работать нашему брату — литературоведу тяжело. Читали Вы, конечно, разносную и несправедливую статью Рюрикова в «Лит<ературной> газ<ете>» на статью Тихомирова в № 5 Известий ОЛЯ.³ Чуть человек попробовал проявить самостоятельность мысли, как его спугнули и накричали на него. Вот Вам спасительная свобода дискуссии! А как тяжело быть редактором моего отдела в «Сов<етской> книге», откуда я уже три года бесплодно пытаюсь уйти! С трудом приходится унимать ретивых разносителей, упрекающих тебя в зажиме критики.

Я был бы необыкновенно рад повидаться с Вами в конце января. Боюсь только, как бы в это время не пришлось выезжать в Киев. Еду туда дней через 6 на сессию АН УССР, а затем ЦК КП (б) У<краины> может вызвать меня на обсуждение макета Истории Украины.⁴ М. б., придется съездить в Л<енин>-гр<ад> для защиты В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева от травли их негодяем Лапицким (меня назначили в комиссию по расследованию этой травли).⁵

Самому работать как следует — некогда. Посылаю Вам бандеролью несколько своих печатных работок.⁶ Прошу Вас причитающееся передать А. П. Скаф-тывому.

Мой искренний привет супруге. Обнимаю Вас

Ваш Н. Гудзий

Штемпель отправления: «31.12.51. Москва». Отметка почты: «3.1.52. Адресат не проживает». Штемпель получения: «14.1.52. Саратов». Это письмо, отправленное с ошибкой в номере дома (23 вместо 123), искало адресата около двух недель и попало в руки Оксмана лишь 14 января 1952 года, о чем он пишет в п. 9.

¹ См. прим. 10 к п. 7.

² Семенников Владимир Петрович (1885–1936) — библиограф, археограф, специалист по русской культуре XVIII века, а также по биографии и творческому наследию А. Н. Радищева. См.: Семенников В. П. 1) Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. М., 1922; 2) Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923 (в особенности — статья «К истории создания „Путешествия из Петербурга в Москву“» (с. 319–364), которой и были посвящены многочисленные критические замечания Г. П. Макогоненко); 3) Литературно-общественный круг Радищева // А. Н. Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Крайне несправедливая оценка, данная Макогоненко работам Семенникова в книге о Н. А. Новикове и в других публикациях, становилась предметом научной полемики, см., например: Баранская Н. В. Еще об авторе «Отрывка путешествия в *** И*** Т***» // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 227. В том же 1951 году, которым датирован выход упоминаемой Оксманом и Гудзием книги «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», Макогоненко посвятил критике работ Семенникова несколько страниц в издании избранных произведений Новикова: «„Отрывок путешествия“ „окончательно“ закреплен за Радищевым исследованием В. П. Семенникова. Как и все предшествовавшие ученые, Семенников не занимается вопросом, почему это „Путешествие“ не может принадлежать Новикову. Весь пафос обращен на приписание его Радищеву <...> Работа Семенникова тщательная, но бесплодная <...> бездоказательно отвергнуто авторство самого Новикова, не прослежена связь идейного содержания этого „Отрывка путешествия“ с воззрениями Новикова, потому, что не показано, в какой связи находился этот „Отрывок путешествия“ со всем остальным материалом двух журналов Новикова, потому, что это сочинение в анализе вырвано из композиционного единства журнала <...> Прежде всего в систему доказательств Семенникова не входит главное — идейный анализ. <...> Если же подойти к двум „Путешествиям“ с этих позиций, то все доказательства рушатся, как карточный домик» (Макогоненко Г. П. Комментарии: Об авторстве Новикова // Новиков Н. И. Избр. произведения. М.; Л., 1951. С. 684, 685–686). См. также новейшую работу, где говорится о научной ценности работ Семенникова, посвященных Радищеву: Лаппо-Данилевский К. Ю. План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2009. Сб. 25. С. 207–208, 224–230. 7 января 1952 года Оксман признавался в письме к П. Н. Беркову: «Я всегда был в этом споре на стороне В. П. Семенникова, полагая только, что последнее слово сказано будет лингвистами» (Русская литература. 2003. № 3. С. 180–181).

³ Тихомиров Г. С. К вопросу о традиции и идейных влияниях // Известия ОЛЯ. 1951. Т. X. Вып. 5. С. 437–453. Эта статья историка, географа Георгия Сергеевича Тихомирова, в основной своей части выражавшая официальную точку зрения («Преклоняться перед вырождающейся культурой капиталистической Европы и Америки <...> может только крайний невежда, лишенный национальной советской гордости, космополит и антипатриот <...> Советское литературоведение проводило и продолжает вести успешную борьбу с проявлениями низкопоклонства перед современной буржуазной литературой»), выделялась лишь робкой попыткой избежать некоторых ошибок и крайностей «в трактовке вопросов истории литературы»: «Борясь с компаративистскими, идеалистическими теориями заимствований и влияний, некоторые литературоведы и философы впадают иногда в крайность, видя правильное решение вопроса в отрицании фактора идейных влияний. Само слово влияние стало в критической литературе предметом особенно резкого неприятия. Сказать, что гегелевская философия оказала влияние на Белинского или материализм Фейербаха на Чернышевского, — значит, по мнению некоторых товарищей, обнаружить отсталость суждений, совершить предосудительный поступок». Отклик на статью последовал в конце декабря: Рюриков Б. Старые ошибки в новом обличии // Литературная газета. 1951. 20 дек. № 150. С. 3–4. Автор открыл свою статью прямым выпадом против Тихомирова: «В журнале „Известия Академии Наук СССР“ (отделение литературы и языка, том X, вып. 5) напечатана статья Г. Тихомирова „К вопросу о традициях и идейных влияниях“. Автор этой статьи решил направить огонь против крупных недостатков литературоведения, которые он видит прежде всего в том, что наши ученые „борьбу с проявлениями низкопоклонства перед культурой капиталистического Запада превратили в ряде случаев в отрицание всяких, в том числе и прогрессивных, влияний в прошлом“. Г. Тихомиров негодует, что „само слово влияние стало в критической литературе предметом особенно резкого неприятия“. Автор не утруждает себя доказательствами. Кроме одной, произвольно вырванной из контекста фразы из газетной статьи, он не подтверждает свои обвинения ничем <...> Тон статьи Тихомирова не свойственен людям убежденным, твердо и спокойно отстаивающим свои положения, он скорее свойственен людям, которые, чувствуя шаткость и ошибочность своих позиций, кричат громче всех». Рюриков Борис Сергеевич (1909–1969) — критик, журналист, сотрудник аппарата ЦК КПСС (отделы агитации и пропаганды, культуры) в 1946–1949, 1955–1956 годах, главный редактор «Литературной газеты» в 1953–1955 годах.

⁴ Черновой автограф замечаний Гудзия по поводу макета «Истории Украины» см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карг. 6. № 42.

⁵ Вместе с Гудзием в состав комиссии входили, в частности, В. В. Виноградов и Н. К. Пиксанов. Лапицкий Игорь Петрович (1920–1998) — старший преподаватель филологического факультета ЛГУ, член ВКП (б). В 1949–1952 годах он регулярно выступал в роли осведомителя и погромщика филологической науки. 27 ноября 1951 года он выступил на общем собрании критиков и литературоведов в Ленинградском отделении СП СССР с критикой «антипатриотических взглядов» крупнейших специалистов по литературе и культуре Древней Руси — члена-корреспондента АН СССР и УССР, заведующей Сектором древнерусской литературы ИРЛИ Варвары Павловны Адриановой-Перетц (1888–1972) и филолога, культуролога, текстолога, старшего научного сотрудника ИРЛИ, профессора ЛГУ Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999). Лапицкий был уволен из университета в 1957 году. О нем см.: Дружинин П. 1) Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 202–213; 2) Идеология и филология. Т. 2. С. 313–316, 535–541. О том, как складывалась судьба Адриановой-Перетц и Лихачева, свидетельствуют письма Лихачева к Гудзию. Из письма от 13 декабря 1951 года: «Мне милый Владимир Иванович только что рассказал о Вашей теплой защите нашего Сектора. Большое Вам спасибо. Варв<ара> Павл<овна> не скоро об этом узнает, т. к. ей велено врачами <...> отгородиться самой высокой стеной от внешнего мира <...> Боюсь, что она уже не сможет руководить Сектором, а тогда для Сектора наступит неминуемая гибель». Из письма от 25 декабря: «...гнусность поднятой против меня и В. П. кампании превосходит все возможное. Вы совершенно не представляете себе, этого и не опишешь, к каким омерзительным средствам прибегают люди, чтобы „убрать с пути“ меня и В. П. Я бы не стал упоминать о Скр<ипиле> и Ер<емине>, но Вы сами об этом написали, и поэтому я все же хочу объяснить Вам разницу между ними. На Еремина я не сержусь. Я почти уверен в том, что сейчас, когда общественное отношение к Лап<ицкому> вполне определилось, Ер<емин> его не поддерживает. Когда-то он ему, конечно, по-бывательски жаловался на нас (вернее бранил нас) и, может быть, без злого умысла рассказывал какие-нибудь подробности из жизни В. П. Сейчас все это, конечно, „материал“ в руках у Лап<ицкого>! Со Скр<ипилем> обстоит иначе. Это холодный интриган, вертепный дураком Лап<ицким>, который выбалтывал гораздо больше, чем это, может быть, хотелось его хозяину. Я пишу в прошедшем времени, но „история“ отнюдь еще не кончилась <...> Впрочем, благодаря принятым Отделением мерам, непосредственной опасности нам не угрожает и репутация наша не пострадала, так как „пердержки“ и „невежество“ Лапицкого ясны всем». Из письма от 5 января 1952 года: «В истории с Лап<ицким> мы с Варв<арой> Павл<овной> старались действовать,

как могли, с самого начала, но не смогли добиться результатов, так как на стороне Лап<ицкого> была Дирекция <...> Теперь у нас один выход в будущем — уйти из Института. Даже если вопрос будет решен в нашу пользу, — разве можно оставаться работать с такими людьми?». Из письма от 28 января: «Дела наши как будто бы и прояснились и, вместе с тем, невероятно запутались. Уже прошло третье закрытое заседание нашего Сектора с участием дирекции и парторганизации, посвященное разбору наших личных взаимоотношений в Секторе и научных разногласий <...> я сам добивался такого разбора, чтобы сделать гласными личные взаимоотношения и поставить тем преграду возможности вредить втихомолку. Как будто бы для всех теперь ясно, что „критик“ — партизан определенной стороны в Секторе <...> Следующее заседание было также чрезвычайно длинным. <...> Началось оно с краткой вступит<ельной> речи В<арвары> П<авловны>, подчеркнувшей, что заседание научное. Затем продолжал свой доклад аспирант <...> Мое выступление содержало три части: в первой я возражал Скрип<илу> по поводу того, что его не печатали и не допускали молодежь. Во второй части я остановился на положении в Секторе, заявив, что Сектор — фикция, а есть Сектор А и Сектор Б. В третьей части я остановился на Лап<ицком>, но не смог сказать всего того, что хотел (не хватило времени). Затем выступали Скр<ипиль> и Ер<емин>, опровергавшие обвинения асп<иранта> в антипатриотизме. Заседание продолжалось в субботу (выступала Варв<ара> Павл<овна>, говорившая о научных расхождениях в Секторе, не находивших себе выхода в открытых спорах, о необходимости заниматься темами, которые требуются современностью). Заседание будет продолжаться в субботу 2 февраля. Основная забота нашей дирекции состоит в том, чтобы найти в наших с Варв<арой> Павл<овной> работах ошибки и чтобы эти ошибки были доложены вескими людьми». Из письма от 9 мая: «„Критик“ наш действует, хотя и в отдалении. Мер против него упорно не принимается» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 8. № 64. Л. 14, 16, 17–17 об., 20–20 об., 23). Скрипиль Михаил Осипович (1892–1957) — педагог, с 1946 года — профессор кафедры русской литературы ЛГУ, в 1945–1954 годах — старший научный сотрудник и и. о. ученого секретаря ИРЛИ. Упомянутый в письме «аспирант», вставший на защиту Лихачева и Андриановой-Перетц, — Б. И. Дубенцов, литературовед, византолог, в 1955 году защитивший в ИРЛИ кандидатскую диссертацию «Из истории тверской литературы первой половины XV века (Повесть о Михаиле Александровиче Тверском)». Об упомянутых в письмах И. П. Еремине и В. И. Малышеве см. прим. 9 к п. 25 и прим. 3 к п. 27.

⁶ В фонде Оксмана сохранились оттиски статей Гудзия с дарственными надписями, датированными 31 декабря 1951 года: Гудзий Н. К. 1) «Энеида» И. П. Котляревского и русская трагестивированная поэма XVIII в. // Вестник Московского ун-та. 1950. № 7. С. 127–143; 2) О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 249–254; 3) Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1951. Т. 8. С. 31–52; 4) Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве» // Известия ОЛЯ. 1950. Т. IX. Вып. 6. С. 492–498 (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1188. Л. 27–31, 38–66 об.). Третий из упомянутых оттисков — публикация доклада Гудзия, прочитанного на сессии ОЛЯ АН СССР и ИРЛИ 9 декабря 1950 года.

9

14.I.52 г. <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

очень тронут был вашим новогодним подарком. Перечел еще раз ваши статьи о «Слове» и об «Энеиде» Котляревского и впервые познакомился с вашим сборником о русско-украин<ских> лит<ературных> отношениях.¹ Слышал об этом сборнике что-то еще в начале прошлого года (вероятно, от Полякова), но до сих пор не видал. Вашу статью прочел с большим интересом и пользой для себя — узнал много фактов, которые нужно знать и которые как-то прошли мимо меня (статьи Франко *после* его выст<уплений> в «Энциклопедии» Брокгауза, фельетоны Нечуй-Левицкого и пр.).² Но зато почти все прочие статьи этого сборника только затемняют историю и вносят полную сумятицу в мозги читателей. Чего стоит уже одна статья о Шевченко и рев<олюционерах>-демократах! Я немножко занимался этой проблемой, а потому могу судить о той галиматье, которая в вашем сборнике выдается за решение вопроса о Белинском и Шевченко.³ Учитываю благодетельную роль,

которую мог сыграть в обогащении сборника такой бдительный и, я бы сказал, вдумчивый редактор, как Марк великолепный,⁴ но все же за кое-что отвечают и авторы. Я предпочел вовсе изъять из своего обзора писем Белинского главку об отзывах Бел<инского> о Шевченко, чем допустить извращение истины. Кстати, знаете ли вы о моей гипотезе? Если нет, — напомните при свидании. Мне бы очень хотелось послушать вашу критику.⁵

Надеюсь увидеть вас на конференции по литературоведению 28-го января.⁶ Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

Ваш Юл. Оксман

Р. С. К новому году я получил привет «Совет<ской> Книги»: В. В. Жданов пожаловал меня лестным упоминанием — старайтесь, мол, молодой человек. — Начальство все видит и когда-ниб<удь> «поощрит».⁷

Р. С. Дорогой Николай Каллинович, заработался в последние дни и не имел возможности отнести письма к вам на почту. А тем временем получил ваше письмо, путешествовавшее ровно две недели по Саратову в поисках адресата: вы по ошибке поставили 23 вместо «123» (точно такую же ошибку сделал в своей телеграмме Н. Л. Степанов — уж не он ли вам и адрес мой сообщал?).⁸

Бесконечно тронут вашим письмом в его первой части (пожелания к новому году). Комплиментарную часть не принимаю — не заслужил ее, а не реализованные возможности только растравливают раны — и без того не заживающие.

Все, решительно все, до последних мелочей — из того, что вы говорите сейчас о своем отношении к книжке Макогоненко, я прочел уже в вашей рецензии, хотя звучало это в значительной степени только между строк или заключалось только в интонации. Но разгадал я ваши мысли и настроения правильно — значит, материал для этого был достаточный. Помните, в «Каменном госте»: «Под этим вдовьим черным покрывалом чуть узенькую пятку я заметил» — «Довольно с вас. У вас воображение в минуту дорисует остальное».⁹ Так вот, — эта «узенькая пятка» и вдохновила меня на мысли о вас и на письмо, которое могло показаться вам совсем неожиданным. Эти «узенькие пятки», на мой взгляд, гораздо более шевелят мозги, чем «потрясающая эрудиция» Надеждиных, Сакулиных,¹⁰ а уж тем более Белецких. Вы знаете, что я всегда очень чтил П. Н. Сакулина, а потому не думайте, что я плохо отношусь к Александру Ивановичу. Но «ученость» его не из тех, которую можно вдумчивого человека «обморочить».

¹ Русско-украинские литературные связи / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1951.

² В сборнике была опубликована статья Гудзия «Литература Киевской Руси в истории братских литератур» (с. 41–78). Писатель, ученый, деятель революционного движения Иван Яковлевич Франко (1856–1916) был автором ряда статей в томах «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (1890–1907), в частности статьи «Южнорусская литература» (81-й полутом, 1904). Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838–1918) — писатель, драматург, критик, педагог. Гудзий упоминает его статью «Современные литературные движения» (Правда (Часть Литературно-наукова). Львов, 1878. Т. II): «Представляя своим читателям русскую литературу от Пушкина до Льва Толстого и Достоевского в форме анекдотически-оскорбительного шаржа и умаляя безоговорочно ее ценность по сравнению с западноевропейской, Нечуй-Левицкий резко порицает русских ученых, за то, что они причисляют украинскую литературу к русской <...> Статья Нечуй-Левицкого вызвала резкий протест со стороны Ив. Франко, который в статье „Литература, ее задачи и важнейшие черты“, напечатанной в львовском демократическом журнале „Молот“ в том же 1878 году, между прочим, отрицательно отнесся к тому, что Нечуй-Левицкий зачем-то обрушился на русских историков литературы за то, что они „без стеснения“ включают памятники украинской литературы в свои курсы». Также Нечуй-Левицкий упоминается Гудзием как противник А. Н. Пыпина, выступивший против его статьи «Особая история русской литературы» (Вестник Европы. 1890. Кн. 9. Сентябрь. С. 241–274) в газете «Дело» за 1891 год под псевдонимом

«И. Баштовий» с серией статей «Украинство в литературном споре с Московщиною» (вскоре были изданы отдельной книгой). Имя Франко фигурирует в статье и в контексте его полемики с В. М. Истриным, автором серии статей под общим названием «Из области древнерусской литературы», печатавшихся в «Журнале Министерства народного просвещения» с 1903 года. Франко опубликовал в 5-й книжке «Записок Наукового товариства ім. Шевченка» за 1904 год резкую рецензию на статьи Истрина и рецензию на книгу П. В. Владимировича «Древняя русская литература киевского периода XI–XIII веков».

³ Критика Оксмана касается опубликованной в сборнике статьи Е. П. Кирилюка (см. прим. 3 к п. 32) «Т. Г. Шевченко и русская демократическая критика 40–60-х годов» (с. 108–127).

⁴ Издательским редактором упомянутого выше сборника, которого в ироническом ключе именует Оксман в письме, был литературовед, критик, специалист по творчеству Белинского и Шевченко, Марк Яковлевич Поляков (1916–2011).

⁵ См., в частности: Оксман Ю. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор. С. 245. Резкий отзыв Белинского о Шевченко в письме к П. В. Анненкову от 1–10 декабря 1847 года см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. Письма 1841–1848. С. 440, 571 (комм. К. П. Богаевской).

⁶ См. п. 10.

⁷ Литературовед, критик Владимир Викторович Жданов (1911–1981) откликнулся на критико-библиографический обзор Оксмана «Переписка Белинского» (см. прим. 10 к п. 7), см.: Жданов В. В. «Литературное наследство». В. Г. Белинский. Томы 55–57 // Советская книга. 1951. № 12. С. 89.

⁸ Имеется в виду п. 8. Степанов Николай Леонидович (1902–1972) — литературовед.

⁹ Цитата из трагедии Пушкина «Каменный гость» (1830; сцена 1, диалог Дон Гуана и Лепорелло).

¹⁰ По контексту с упомянутыми современниками и коллегами Оксмана маловероятно, но все-таки возможно упоминание Николая Ивановича Надеждина (1804–1856), философа, историка, этнографа, лингвиста, критика. Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, общий знакомый Оксмана, Гудзия и Пиксанова (108 его писем к Сакулину за 1911–1929 годы сохранились в фонде адресата: РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 671). В архиве Сакулина сохранилось письмо некоего Николая Прокофьевича Надеждина, архивного сотрудника, проживавшего в Гродненской губернии, но его упоминание Оксманом еще труднее предположить.

10

20/II 52 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Ваше письмо в ответ на мое блуждавшее письмо я получил в пору моего трехнедельного сидения в Киеве, куда ездил на очередную большую сессию нашей украинской Академии и где занят был всякими делами по Институту литературы и по другим инстанциям, накопившимися за время моего длительного отсутствия в Киеве.

Не доставляют мне особенного удовольствия поездки мои на Украину, где приходится заниматься не столько делами, сколько всякими поделками (не поделками), отнимающими много времени и сил и не радуящими <ми> душу. Меня вот уже больше года сватали усиленно на посаду вице-президента АН УССР, но я самым категорическим образом отказывался всегда от этой славы — не только потому, что принятие такого предложения повлекло бы мой переезд в Киев, что по разным причинам не входит в мои расчеты, но и потому, что считаю себя абсолютно непригодным к административной деятельности, в чем убедился и, надеюсь, убедил других, будучи 4 года деканом сначала в ИФЛИ, а затем в МГУ.¹

Как раз в бытность мою в Киеве украинская «Літературна газета» напечатала трехподвальную статью, направленную против А. И. Белецкого, взвалив на него обвинения, которых он не заслужил. Верхи как будто не очень одобряют этот демарш «Літ<ературни> газ<ети>», но удовольствия А. И. доставил он немного и лишний раз доказал ему, какой черной неблагодарностью способны платить люди той республики, для которой так много сделал А<лексан>др

Ив<анович>, став для нее своего рода просветителем и шефом всех, добывающих себе степени.² Мне совестно, что я не могу быть ему настоящим помощником по причине своего сидения в Москве и нежелания покидать ее.

А Вы ведь, кажется, во время моего отсутствия были в Москве и даже звонили мне. Уехали Вы назад, что называется, не солоно хлебавши, потому что скандальным образом сорвалось совещание по вопросам литературоведения, на которое Вы, очевидно, и приезжали. Искренно жалею, что уже не в первый раз мы «разминаемся» и что на этот раз нам не удалось свидеться.

Совершенно согласен с Вами в том, что у нас «улучшают историю», фальсифицируя отношения Белинского и Шевченко. На эту тему — в таком же направлении, но дойдя до геркулесовых столбов извращения истины, прислал для сборника об укр<аинско>-русс<их> лит<ературных> связях в свое время статью И. Я. Айзеншток, но я отверг ее по причине ее полной фантастичности.³ Сейчас — на Украине — мы готовим второй сборник на ту же тему, значительно больший по объему.⁴

Очень интересно было бы узнать Вашу гипотезу о Белинском и Шевч<енко>, которую, надеюсь, Вы сообщите мне при нашем свидании.

Сам я сейчас работаю плохо и непродуктивно. Очевидно, устал и выдохся. Приготовил лишь главу листов в 6 печ<атных> о Толстом для вузовского учебника по литературе XIX в<ека>.⁵ Гоголем совсем не занимаюсь. Отказался даже ехать к началу марта в Киев, где меня просили прочесть доклад на общем собрании АН УССР на общую тему. А Вы что делаете и как живете?

Искренний привет Вашей супруге. Обнимаю Вас.

Ваш Ник. Гудзий

¹ Еще в 1922–1929 годах, вскоре после переезда в Москву, Гудзию довелось быть профессором 2-го МГУ, Института красной профессуры (1934–1935), МИФЛИ (1934–1941); в 1941–1945 годах он был деканом филологического факультета, а в 1942–1944 годах профессором и деканом филологического факультета эвакуированного в Свердловск МГУ, в 1943–1946 годах — заведующим кафедрой фольклора филологического факультета. См.: *Артамонов Ю. А. Гудзий Николай Каллинович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 425. Ср. в автобиографической справке: «С ноября 1941 г. по май 1943 г. находился в эвакуации в Свердловске, где преподавал в местном педагогическом институте и в Московском университете, временно эвакуированном в Свердловск. С 1940 по 1944 г. состоял деканом филологического факультета — сначала в МИФЛИ, затем в МГУ» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 13. № 6. Л. 4). Из автобиографии 7 июня 1946 года: «В октябре 1941 г. я эвакуировался в Свердловск, где стал преподавать в местном Педагогическом институте. Осенью 1942 г. был переведен в Свердловск МГУ, первоначально эвакуированный в Ашхабад и включивший в свой состав ИФЛИ, в частности его филологический факультет, на котором я возобновил свою работу в качестве профессора и декана. В мае 1943 г. вернулся в Москву в связи с реэвакуацией МГУ. В настоящее время продолжаю свою работу в МГУ в качестве профессора (от обязанностей декана я по моей просьбе освобожден в октябре 1944 г.) и в Институте мировой литературы в качестве старшего научного сотрудника» (Там же. Л. 6–6 об.).*

² [Б. п.]. За ідейну чистоту українського радянського літературознавства // Літературна газета. 1952. 17 січня. № 3. С. 2–4. В статье, которую по жанру вернее будет определить как политический донос с националистической подоплекой, имевший своей целью ни больше ни меньше как дискредитировать научное творчество Белецкого, в частности, говорилось: «Говорячи про буржуазного ліберала О. Веселовського і його „творчість“, О. Білецький вважає за потрібне підкреслити „незвичайну“ популярність його книги „Западне впливие в новій русській літературі“ і закінчує свою „критику“ в кількох рядків тім, що, мовляв, „книга Олексія Веселовського мало повне просвітительське значення“. До того ж з статті виходить, ніби не іменами Герцена і Бєлінського, Чернішевського і Добролюбова характеризується вітчизняна наука про літературу до 1917 року, а іменами Пшпіна і Веселовського, „школа“ якого з усією різкістю засуджена партійною критикою і громадськістю» (речь идет о статье Белецкого «Завдання радянського літературознавства в боротьбі проти схилання перед культурою Заходу» (Радянське літературознавство. 1948. № 9)). Заканчивалась статья следующим заявлением: «О. Білецький в ряді своїх праць дає загалом вірне розв'язання важливих питань радянського літературознавства, але пережитки буржуазного літературознавства нерідко заважають йому бути до кінця послідовним. З ними

треба наполигливо і до кінця боротися всіма засобами нашої критики, з позицій марксизму-ленінізму відстоювати ідейну чистоту радянського літературознавства». Благодарям сотрудников Справочной службы Отдела газет РГБ и киноведа А. Г. Иванова за сообщенные сведения.

³ Айзеншток Иеремия Яковлевич (1900–1980) — историк русской и украинской литературы, специалист по биографии и творчеству Шевченко, Гоголя; с 1946 года преподавал в ЛГУ. В автобиографии, относящейся к 1974–1975 годам, Айзеншток упоминает в числе своих работ 1950-х годов, так и не увидевших свет (главным образом, ввиду своего большого объема), статью «Белінський та українська література» (*Айзеншток І. Автобіографія. Вибрані листи (1910-і — 1920-і роки) / Упоряд., підгот. текстів та комент. С. Захаркіна. Київ, 2003. С. 23*). Возможно, именно о ней идет речь.

⁴ Російсько-українське літературне єднання / Под общ. ред. Н. К. Гудзия и А. И. Белецкого. Киев, 1953. Вып. 1. В этот сборник вошла статья Гудзия «Литература Киевской Руси в истории братских литератур» (см. прим. 2 к п. 9) в переводе на украинский язык.

⁵ *Гудзий Н. К.* Лев Николаевич Толстой. Из курса лекций по истории русской литературы. М., 1952.

11

1/III 52 г. <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

очень мне грустно, что не застал вас в Москве. Правда, пробыл я на этот раз в ней только 8 дней и совершенно одурел от массы дел, которые все равно не успел переделать, но от попыток объять необъятное до сих пор прийти в себя не могу. Годы, видимо, начинают себя давать знать на всех участках и работы, и личного быта. Очень устаю от лекций, а, главное, после них не могу ничем путным заниматься. Хочется написать что-нибудь поинтереснее для сборника памяти Н. Л. Бродского. Я получил уже два письма от М. К. Добрынина, который меня даже поторапливает. Хочется поэтому узнать, из авторитетных источников, действительно ли этот сборник «на мази» или еще находится в стадии «благих пожеланий». Очень прошу вас быть другом и осведомить меня о положении этого сборника, так как кому же, как не вам быть в курсе этого начинания.¹

По вашему последнему письму чувствую, что вы очень устали от Киева. Разумеется, большое счастье для вас, что отвернулись от новых «посад», но не могу согласиться с тем, что вы отрицаете всякие возможности административной работы для себя. Для больших постов вовсе не обязательна большая организационная работа — функции общего руководства и представительства — это тоже не малое дело. Но мне кажется, что Вы не созданы для киевских склок, а «потребны на важнейшее».² Но об этом мы с вами еще поговорим, так как имею я некоторые надежды побывать в конце апреля опять в Москве. Кстати, Н. Ф. Бельчиков мне несколько раз говорил о том, что вы тяготитесь «Совет<ской> Книгой». Ни в коем случае не уходите оттуда,³ тем более, что вами там очень дорожат (я рекомендовал Бельч<иков>у нескольких своих учеников и товарищей по работе в Саратов<овском> унив<ерситете> для рецензирования книг по истории и литер<атур>е (Пороха, Бугаенко, Покусаева⁴ и др.). Но меня самого он приглашает обычно в такой форме, что я не могу не отказаться! Это, впрочем, не мешает нашим дружеским разговорам и даже активной переписке).

Прочел вашу статью в Толстовском сборнике, но ничем эта статья меня не зажгла.⁵ Но сборник полезный, я его читал внимательно, так как у меня лежат две диссертаци<онные> работы о Толстом.

Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне самый сердечный поклон.

Ваш Юл. Оксм.

¹ Сборник памяти Н. Л. Бродского не был выпущен. Оксман предложил для этого сборника статью «Проблематика крестьянской революции в работе Пушкина над первоисточниками „Капитанской дочки“» (Русская литература. 2003. № 3. С. 183; письмо Оксмана к Беркову от 21 мая 1952 года). Добрынин Михаил Кузьмич (1899–1955) — литературовед, к моменту написания письма — заведующий сектором литератур народов СССР в ИМЛИ и заведующий кафедрой литературы ГИТИС. Ему, очевидно, было поручено редактирование сборника.

² Цитата из повести Тынянова «Подпоручик Киже» (1928), 20-я глава, реплика императора Павла I, обращенная к графу Палену: «Дивизией погоды его обременять. Он потребен на важнейшее».

³ Бельчиков был в 1947–1952 годах заместителем главного редактора журнала «Советская книга». В 1952 году Гудзия на посту заведующего отделом литературы и языка сменил С. М. Петров. См. п. 12.

⁴ Упомянуты саратовские ученые: Порох Игорь Васильевич (1922–1999) — историк; Бугаенко Павел Андреевич (1908–1983) — литературовед; Покусаев Евграф Иванович (1909–1977) — историк литературы, в 1949–1951 годах декан филологического факультета, с 1951 года — заведующий кафедрой русской литературы. Порох и Покусаев были учениками Оксмана и Скафтымова. Покусаев активно печатал рецензии в «Советской книге», см.: [Рец. на: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. 2-е изд., доп. М., 1951. Т. 1] // Советская книга. 1952. № 1. С. 94–98; Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Там же. № 2. С. 93–99; Юбилейная литература о Гоголе // Там же. № 8. С. 82–91. См. также рецензии его коллег: Порох И. В. «Декабристы» // Там же. С. 97–101; Бугаенко П. А. А. А. Богданов. Избранное // Там же. 1951. № 10. С. 95–97.

⁵ Гудзий Н. К. От «Романа русского помещика» к «Утру помещика» // Лев Николаевич Толстой: Сб. статей и материалов. М., 1951. С. 321–347.

12

6/IV 52 <Московская область>

Дорогой друг,

отвечаю на Ваше письмо от 1/III только сегодня в вагоне, увозящем меня в Киев для 1) участия в совещании ЦК КП (б) У <краины> по обсуждению нового макета Истории *Украины* (не украинской литературы), т. к. я состою членом правительственной комиссии по этому делу, 2) для доклада на сессии АН УССР на тему «Русско-украинские литературные связи в свете учения Ленина и Сталина по национальному вопросу». Все это на меня свалилось внезапно и доклад придется писать в Киеве, не такими раскоряками, какими пишу сейчас в трясущемся международном вагоне, трясущемся так же, как трясется международная обстановка по воле тех, кому не по душе плавное, спокойное движение к нормальному человеческому бытию.

Не писал Вам раньше, потому что был задержан паршивой суетой житейской, напрягавшей мои нервы до крайности. Пришлось, между прочим, съездить в Ленинград для того, чтобы по просьбе бюро ОЛЯ АН СССР принять участие в работе комиссии, созданной для спасения В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева от негодая, некоего Лапицкого, непрерывно занимающегося их травлей при попустительстве многоликого Бельчикова. Все, что мог, сделал, но нервы обоих травимых, кажется, не успокоил.¹

Не послушался Вашего совета и вчера куда следует послал категорическое заявление о своем отказе от обязанностей редактора отдела литературы и искусства в «Сов<етской> книге». Будучи изнасилован, хотя и сделал все, все возможное, чтобы смягчить и обделика <тнить> несправедливые упреки редакторам VI тома соч<инений> Гоголя — Жданову и Зайденшнур, ставши невольным соучастником нарушения авторских прав внушающего мне полное доверие по своей научной квалификации и научной честности Покусаева, и предвидя возможности дальнейших, тревожащих мою совесть компромиссов, я не чувствую себя в силах в дальнейшем руководить отделом.² Все это между нами. При свидании поговорим об этом. Через две недели я собираюсь

вернуться в Москву и, если Вы приедете к нам в конце апреля, мы, наконец, свидимся, чего я душевно, искренно желаю.

Ничего не могу сказать Вам о состоянии сборника памяти Н. Л. Бродского. Сегодня Д. Д. Благой сказал мне, что за последнее время о нем ничего не слышал. Сам я еще не дал для сборника статьи. Впрочем, все, видимо, зависит от нас. Если подберется идейный материал, сборник выйдет в свет.

Мой сердечный привет Вашей супруге. Вас крепко обнимаю.

Ваш Н. Гудзий

¹ См. прим. 5 к п. 8.

² Речь идет о рецензии Е. И. Покусаева, посвященной разбору вышедших томов академического издания сочинений Гоголя. В ней высказано несколько конструктивных критических замечаний относительно текстологических и композиционных решений, принятых литературоведами Владимиром Александровичем Ждановым (1898–1971) и Эвелиной Ефимовной Зайденшнур (1902–1985), редакторами 6-го и 7-го томов издания (редактором 7-го тома был также В. Л. Комарович), содержащих критический текст поэмы «Мертвые души» и сопроводительные материалы к нему: *Покусаев Е. И.* Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Советская книга. 1952. № 2. С. 95, 98. С чем связана фраза Гудзия о «нарушении прав» Покусаева, установить не представляется возможным. О полемике Гудзия с Зайденшнур и Ждановым по вопросам текстологии произведений Толстого в 1960-е годы, закончившейся разрывом личных отношений, см. прим. 4 к п. 57.

13

15/II 53 <Москва>

Дорогой

Юлиан Григорьевич!

Сердечное Вам спасибо за то, что Вы в числе трех авторов прислали мне сборник статей о Белинском. А<лександр>ра Павл<овича>¹ поблагодарите особо, как поблагодарил Вас, а Е. И. Покусаеву, с которым знаком только <нрзб.>, прошу передать мою благодарность Вас.

Вы рассказывали мне содержание Вашей статьи о письме Белинского к Гоголю и открыли мне глаза на многое такое, что не могло прийти мне в голову и что, кроме Вас, никому другому в голову не приходило. Теперь Вы общаете к Вашим разысканиям читателя, который получит, как получил и я, очень питательную пищу от Вашей статьи. Только Ваша большущая эрудиция и знание и понимание, где и как нужно искать материалы и как следует их осмысливать, дали возможность появиться в свет такой прекрасной статье. Поздравляю Вас!

Свежа и интересна по материалу и по наблюдениям и Ваша вторая статья, с которой я успел пока ознакомиться лишь очень бегло, как и с прочими статьями сборника.²

Как Вам живется, дорогой друг? Я слышал, что, с одной стороны, Вами дорожат в Саратове, с другой — ввиду того, что вовремя прозевали официально утвердить Вас в профессорском звании, Вы чуть ли не переведены на преподавательскую ставку. Так ли это? Если так, то это черт знает что такое.³

Сам я пребываю в каждодневной суете и в постоянном ощущении нехватки времени для того, чтобы делать что-нибудь нужное. Разрываюсь между Москвой и Киевом, и там и тут делаю утомительную, но невидную работу. Немало времени затратил на подготовку 5-го издания моего учебника,⁴ а вот за небольшую книгу о Толстом никак не могу приняться вплотную.⁵ На Украине редактирую ряд изданий, в том числе историю украинской литературы,⁶

которую боялся выпустить в свет, и академическое издание писем Шевченко, в которых в большом количестве попадаются такие перлы по части «москалей» и «казаков» и «казакской» мовы, что не знаешь, как со всем этим быть. Университет торопит с написанием статей по истории Московского университета⁷ в связи с близящимся двухсотлетним юбилеем, бюро ОЛЯ просит выступить с развернутым докладом о работе сектора древней литературы Пушкинского дома,⁸ и ко всему тому — диссертации, дипломные работы и всякое другое в том же роде. Да и жена болеет вот уже почти полгода гипертонией.

Вероятно, и у Вас не веселее, но Вы все же успеваете писать капитальные работы. Кстати в № 3 «Нов<ого> мира» появится моя (и В. А. Жданова) статья по вопросам текстологии, которая может стать *casus belli* с Виноградовым, да и не только с ним одним.⁹

Сердечный Вам привет. Поклон жене.

Ваш Ник. Гудзий

¹ Скафтымова.

² Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1952. Т. 31. Вып. филологический. В этом томе «Ученых записок», целиком посвященном Белинскому, были опубликованы уже упомянутые нами работы Оксмана (см. прим. 10 к п. 7). Здесь же была опубликована статья Скафтымова «Белинский и драматургия А. Н. Островского» (с. 49–110) и статья Покусаева «Белинский и русская журналистика» (с. 3–48).

³ В январе 1950 года Оксмана с должности профессора кафедры русской литературы СГУ перевели на должность старшего преподавателя. В приказе № 54 от 31 января значилось: «Профессора кафедры русской литературы ОКСМАНА Ю. Г. числить с 1 января 1950 года по должности старшего преподавателя той же кафедры с окладом 3200 руб. в месяц, как имеющего ученую степень и стаж пед. работы в ВУЗ'ах свыше 10 лет, но не имеющего документа об утверждении в ученом звании. Основание: распоряжение ректора университета. Ректор Сар. гос. университета профессор, д-р П. Голубков». В 1952 году ученого с должности старшего преподавателя переводят на должность ассистента. Как следует из процитированного документа, основания для подобной травли «опального» ученого были исключительно формальные. В августе 1952 года Оксман отправился в Москву в поисках новой работы и для личной встречи с В. В. Виноградовым. Об этом своем намерении он, доведенный до отчаяния, сообщил еще в июне П. Н. Беркову, всерьез рассматривая возможность перехода даже в самые отдаленные ВУЗы, в частности — в город Фрунзе (Русская литература. 2003. № 4. С. 182). В это же время Виноградов, директор Института языкознания АН и академик-секретарь ОЛЯ АН СССР, обращается с письмом на имя министра высшего образования с просьбой перевести Оксмана из СГУ в один из филиалов Академии наук. В результате Оксман был оставлен на работе в СГУ, а в апреле 1954 года ему было возвращено ученое звание и должность профессора (утверждены ВАК при Министерстве высшего образования СССР в мае того же года). См.: *Коробова Е. Ю. Г. Оксман в Саратове. 1947–1957 // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М., 1996. С. 145–154; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1078. Л. 5, 6; подробности этого эпизода (участие секретаря Саратовского обкома КПСС Г. А. Боркова и т. д.) проясняет также письмо Оксмана Чуковскому от 24 октября 1952 года: Оксман Ю. Г., Чуковский К. И. Переписка [1949–1969]. С. 33–34. В этот период Оксман (как и позднее — в 1963 и 1967 годах) обсуждал с Ю. М. Лотманом и Б. Ф. Егоровым возможность переезда в Тарту для продолжения научно-исследовательской и преподавательской деятельности — от Тартуского университета поступил инициированный ими официальный запрос (см.: Лотман Ю. М., Минц З. Г. — Егоров Б. Ф. Переписка. 1954–1993 / Изд. подг. Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб., 2018. С. 283–284 (письмо Лотмана Егорову, датированное «около 21 ноября 1967 года», и примечания к нему)). 15 октября 1952 года Оксман сообщил своему другу, историку, специалисту по истории освободительного движения, журналистики и литературной критики XIX века Борису Павловичу Козьмину (1883–1958): «...давно собирался вам написать, но хотелось это сделать после окончательного выяснения вопроса о том, остаюсь ли я в Саратове или перехожу в этом же учебном году в другой университет. В министерстве я договорился о Тарту, но оформление перевода несколько затянулось из-за того, что потребовалась особая политическая характеристика, которую ЦК Эстонии затребовал от секретаря Саратовского обкома. Это обстоятельство коренным образом изменило ход „дела“. Потребовав всякого рода материалы обо мне, наш первый секретарь в результате ознакомления с ними пришел к заключению, что работа моя в Саратове, как преподавательская, так и научно-исследовательская, оставила большой след в жизни города, очень нужна университету и имеет даже общесоюзное*

значение. Поэтому он согласия на уход мой не дает, университетскому начальству и отделу науки обкома ставит на вид неумение создать условия для работы „настоящих ученых“ и т. д. Я у него был два раза, просил дать согласие на перевод, благодарил за доброе мнение, указывал на то, что его решение создаст очень тяжелое положение для ректората и парт<ийной> организации университета, которые травил меня 2 года, а сейчас вынуждены будут себя публично высечь, но меня все равно постараются язвить по линии „засорения кадров“, если не в лоб, то с флангов, — но в своих стараниях я не успел» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт 46. № 62. Л. 15–15 об.). Отвечая на это письмо 28 октября 1952 года, Козьмин писал: «Мне думается, что положение Ваше теперь, после событий, о которых Вы сообщаете, должно упрочиться и оздоровиться. Во всяком случае, поддержка, которую Вы нашли, весьма серьезна. С этой стороны Вас можно поздравить. Конечно, при таких условиях настаивать на уходе нет никаких оснований: от перевода в другое место Вы можете скорее проиграть, нежели выиграть» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 575. Л. 27).

⁴ История древней русской литературы: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., перераб. М., 1953.

⁵ В 1953 году были опубликованы под одной обложкой две популярные лекции Гудзия о Толстом: Л. Н. Толстой — великий писатель русского народа. Лекция 1-я и 2-я. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953. Но в письме речь идет, скорее всего, о втором издании другой книги (см. прим. 5 к п. 10), вышедшей впервые в 1952 году: Лев Николаевич Толстой. 2-е изд., испр. М., 1956.

⁶ Упомянут коллективный труд, вышедший под редакцией Н. К. Гудзия, А. И. Белецкого и др.: Історія української літератури. Дожовтнева література. Київ, 1954. Т. 1 (там же и тогда же вышло русскоязычное издание «Истории»). Для этого издания Гудziem была написана глава «Література древньої Русі (до кінця XIII ст.)».

⁷ См. написанные Гудziem страницы коллективного труда: История литературоведения в Московском университете в дооктябрьский период // История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 177–179, 331–334, 337, 466–470. См. также тезисы его доклада на юбилейной сессии: Изучение русской литературы в Московском университете в дооктябрьский период // Московский ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юбилейная науч. сессия, посвящ. 200-летию ун-та. 9–13 мая 1955 г. Тезисы докладов филологического факультета. М., 1955. С. 8–11.

⁸ Речь идет о расширенном заседании Бюро ОЛЯ АН СССР, посвященном обсуждению печатных трудов Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, состоявшемся 7 и 8 апреля 1953 года. Подробное изложение доклада Гудзия «Об изданиях Сектора древнерусской литературы» см.: Расширенное заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное обсуждению печатных трудов Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР // Известия ОЛЯ. 1953. Т. XII. Вып. 4. С. 390–392.

⁹ Упомянута статья: Гудзий Н. К., Жданов В. А. Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232–242; *casus belli* (лат.) — повод для войны. А. Г. Гродецкая писала в связи с содержанием этой статьи: «Изложенная в новомирской статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова среди прочих проблем теория „реставрации“ текста, сторонниками которой они выступили, была вскоре подвергнута основательной критике» (Гродецкая А. Г. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // Русская литература. 2012. № 3. С. 78–79).

Дорогой Николай Калининич!

До сих пор не поблагодарил вас за ваше дружеское и сердечное письмо, которое вы прислали мне под впечатлением сборника о Белинском. Все ждал выхода в свет мартовской книжки «Нов<ого> Мира», чтобы откликнуться на обещанную вами статью.¹ Март был в этом году исключительно тяжелым, перевернувшим жизнь всех нас.² Мой сейсмограф особенно в этом отношении чуток, хотя дальше чем на шесть-семь месяцев никогда не загадываю, живу, как «птицы небесные», — без ориентации на «завтрашний день». Самое утешительное в моем быту — твердое сознание, что хуже, конечно, не будет, а все прочее — от лукавого. «День пережил — и слава Богу!»³ Но тот день, в который получил, наконец, задержавшуюся книжку журнала, был хорошим днем. Вашу работу читал как «стихотворение в прозе» — исключительно тонко, убе-

дительно, богато конкретным материалом! Без вас В. А. Жданов, конечно, не справился бы с той задачей, которая стояла (да и продолжает стоять) перед каждым, кто рискует взять на себя общую трактовку вопросов текстологии после прошлогодней дискуссии. Говорю об этом безапелляционно потому, что я прочел в первом семестре этого года курс «основ текстологии» (первый раз в жизни). Не успел до конца продумать все те выводы, которые наметились в связи с вашей статьей, как в речи Фадеева почувствовал возможность и некоторых оргвыводов, предвосхищающих всякую дискуссию на эти темы. Во всяком случае, беспрецедентно использование в столь ответственном выступлении, каким является речь верховного комиссара по делам литературы, не конкретного материала статьи, а тех скрытых тенденций, которые в ней якобы заложены. Хочется все-таки думать, что это гром не из тучи.⁴ Не может же один Онуфриев⁵ поставить на голову все то, что с такими трудностями завоевывалось советской текстологией в теч<ение> трех десятков лет. Однако текстологич<еское> совещание надо бы отложить — в ближайшие месяцы не ощущаю никакой почвы для свободной дискуссии в недрах Отд<еления> Яз<ыка> и Литературы Ак<адемии> Наук.⁶

Читаю в этом семестре курс «Истории рус<ской> критики». Когда-то читал в Ленингр<адском> унив<ерситете> историю журналистики,⁷ несколько лет подряд читаю уже в Саратове спец<иальный> курс «Белинский и его время», но «Ист<ория> рус<ской> крит<ики>» — это еще сложнее сейчас, чем курс текстологии! Подводных камней — бездна, материал — необъятен, внимание слушателей обострено сверх всякой меры. Но в связи с этим курсом я прочел (и широко использовал!) вашу старую статью «Гоголь — критик Пушкина» (Чтения в общ<естве> Нестора летописца, 1914 г.). Умоляю вас вернуться к этой работе — она очень нужна и материал в ней собран очень интересный.⁸ Если этого не сделаете вы сами, то, конечно, вас перепишет какой-нибудь шустрый кандидат филол<огических> наук. Разумеется, очень хотелось бы чуть взять шире — не только Пушкина, но и все то, что Гоголь говорил печатно о рус<ской> литературе. Ведь это интереснейшая страница истории рус<ской> критики, затронутая только вами. Вы же скажете и о том, о чем промолчал Гоголь в 1846 г. (напр., о Тютчеве, о декабристской лирике).⁹ Так вот, видите, о чем думают старуха, когда им не спится!¹⁰ Прерываю письмо, так как принесли газету с сенсационными новостями... Прочел — и подумал о том, что безработную Л. Ф. Тимашук сейчас т. Онуфриев может пригласить на руководящую работу в Инст<итут> Мир<овой> Литер<атуры>, если Бельчиков не перехватит эту стерву в аппарат «Сов<етской> Книги».¹¹ Будьте здоровы и благополучны.

Весь ваш Ю. О.

Год установлен по содержанию (см. прим. 2).

¹ См. п. 13 и прим. 9 к нему.

² Эти слова Оксмана относятся, главным образом, к смерти Сталина 5 марта 1953 года, к предшествовавшим и к последовавшим за нею событиям.

³ Оксман с изменениями цитирует заключительную строку (у автора: «День пережит — и слава Богу!») из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи...» ([1850]).

⁴ В статье, опубликованной в «Литературной газете», А. А. Фадеев писал: «В № 3 журнала за 1953 год напечатана статья Н. Гудзия и В. Жданова, которая представляет собой замаскированную полемику с государственным требованием упорядочить издание классиков. В переиздании классиков дело дошло до полного произвола со стороны ученых редакторов. Вносились различные поправки на основании всяких псевдонаучных заключений — из других вариантов, из первоначальных рукописей. Неким ученым редактором было даже предложено переиздать роман „Анна Каренина“ по первоначальной рукописи. Это, в конце концов, привело бы к тому, что исказили и растащили бы по частям всю классику, наше национальное достояние. Формально в статье Н. Гудзия и В. Жданова признается, что переиздаваться должен текст последнего прижизненного издания, но дальше статья наполнена ложными наукообразными предложениями, которые по существу ревизуют государственные указания» (Фадеев А. Некоторые вопросы

работы Союза писателей // Литературная газета. 1953. 28 марта. № 38. С. 3). Говоря о «прошлогодней дискуссии», Оксман имеет в виду полемику в печати по проблемам издания произведений писателей-классиков — статьи участников дискуссии публиковались на страницах газеты «Правда» и «Литературной газеты», а также журнала «Советская книга» с января 1952 года по апрель 1953 года, см.: Афиани В. Ю. Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской науч. конф., г. Москва, Архив РАН — РГГУ, 25 июня 2019 г. / Отв. ред. В. П. Козлов; отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2019. С. 49–53, 60–61.

⁵ Онуфриев Николай Михайлович (1900–1960) — литературовед, к моменту написания письма — заместитель директора ИМЛИ, автор популярных очерков жизни и творчества Гоголя, опубликованных в 1952 году — «Н. В. Гоголь: Критико-биографический очерк» и «Реализм Н. В. Гоголя». Не имея ни малейшего авторитета в научном сообществе, Онуфриев, пользуясь в своих интересах политической ситуацией в стране, позволял себе критические отзывы об образцовых публикациях. В 1951 году в рецензии на три тома академической серии «Литературное наследство», посвященных Белинскому (*Онуфриев Н.* Изучение литературного наследства Белинского // Новый мир. 1951. № 9. С. 217–222), он утверждал, что статьям М. К. Азадовского и Л. Я. Гинзбург, опубликованным в томах, «свойственна пестрота исходных методологических принципов, разногласия в трактовке важнейших вопросов наследия Белинского, ошибки в истолковании взглядов великого критика». В письме также подразумевается статья, написанная Онуфриевым в соавторстве и напечатанная в журнале «Советская книга» (см. прим. 1 к п. 15).

⁶ Всесоюзное совещание по вопросам текстологии, организованное Институтом мировой литературы совместно с Пушкинским Домом, прошло в Москве год спустя, 10–13 мая 1954 года. В нем приняли участие: с основными докладами — В. С. Нечаева и Д. Д. Благой (см.: Совещание по вопросам текстологии. Тезисы докладов. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Акад. наук СССР. Установление канонических текстов литературных произведений. Д-р филол. наук В. С. Нечаева. Типы советских изданий писателей-классиков. Чл.-корр. Акад. наук СССР Д. Д. Благой. М., 1954), с докладами и сообщениями при обсуждении и в прениях — М. П. Алексеев, Н. К. Гудзий, Б. В. Томашевский, Б. П. Козьмин, П. Н. Берков, И. Л. Андроников, А. Б. Шапиро, Б. С. Мейлах, Б. В. Михайловский. См. официальный отчет: Совещание по вопросам текстологии // Известия ОЛЯ. 1954. Т. XIII. Вып. 4. С. 392–396. Полная стенограмма: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. № 326–330. Выступление Оксмана с докладом состоялось 12 мая (см. прим. 6 к п. 19).

⁷ В ЛГУ Оксман преподавал в должности доцента, а позднее профессора кафедры архивоведения и литературного источниковедения в 1923–1929 годах.

⁸ *Гудзий Н. К.* Гоголь — критик Пушкина // Чтения Исторического общества Нестора-летописца. Киев, 1914. Кн. XXIV. Вып. 1. Отд. 2. С. 3–40. Это был последний год выпуска сборников материалов «Чтений».

⁹ Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, а именно о главе X «О лиризме наших поэтов (Письмо к В. А. Ж.....му)» и о главе XXXI «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Кроме того, Оксман, называя 1846 год, мог иметь в виду и статью Гоголя «О „Современнике“».

¹⁰ Оксман с изменениями цитирует название стихотворения Н. А. Некрасова «Что думает старуха, когда ей не спится» (1862–1863).

¹¹ Тимашук Лидия Феодосьевна (1898–1983) — врач-кардиолог, заведующая отделением функциональной диагностики Кремлевского лечебно-санитарного управления, автор письма в ЦК ВКП (б), использованного в качестве формального подкрепления сфабрикованного политического обвинения по печально известному «Делу врачей». 4 апреля 1953 года в газете «Правда» было опубликовано «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» о проверке «всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвиненных во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства». В сообщении, в частности, говорилось: «Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными».

Дорогой Юлиан Григорьевич!

Сердечное Вам спасибо за Ваш похвальный отзыв о моей и Жданова статье. Ваше суждение, как авторитетного и многоопытного текстолога, мне особенно дорого, хотя, правду говоря, в статье нет никаких открытий и изо-

бретений и высказаны в ней элементарные, азбучные истины. Вы знаете всю предысторию нашего текстологического выступления и больше, чем другие, понимаете подкладку тех выпадов против двух авторов, которые не ограничиваются выступлением Фадеева, а имели печатное продолжение в «Сов<етской> книге» (Онуфриев) и в «Правде» (С. Петров).¹ Ни меня, никого вообще эти выступления не взволновали; напротив, я только слышал сочувственные отклики на статью, но стыдно то, что русский писатель обнаруживает (не в первый раз) такое самоуверенное невежество и прибегает к аргументам типа «quos ego». Следом за ним идут лица, которые читали Пушкина, Грибоедова, Гоголя и делают вид, что усвоили их уроки добропорядочности и самоуважения. Ну, наплевать на все это. Я и мой соавтор обратились с письмом в авторитетные инстанции с просьбой разъяснить нам, в чем мы неправы, и с указанием на то, как извратили наши оппоненты смысл и существо нашей статьи.²

Спасибо Вам и за похвалу моей юношеской статьи «Гоголь — критик Пушкина». Едва ли мне удастся вернуться к теме и к статье, имеющей сорокалетнюю давность! Мне нужно было бы заняться по-настоящему Толстым и некоторыми вопросами древнерусской литературы, но и для этого положительно нет времени. Много его отнимает у меня университет, для которого, помимо педагогической работы, нужно писать статьи по истории изучения в Моск<овском> У<ниверсите>те русской литературы (в связи с близящимся юбилеем МГУ). Немало сил отнимает у меня и Украина. Вы не представляете себе, сколько головоломной задачей является написание и редактирование курса истории украинской литературы. Мы все еще не выходим из состояния макетности. На несколько макетов было много десятков отзывов и отдельных лиц, и коллективов, и комиссий, вплоть до Комиссии ЦК КП Украины. Сейчас продолжаем штопку курса, для чего мне приходится выезжать в Киев и для чего там придется провести еще, как и в прошлом году, часть лета, чтобы завершить дело (я фактически являюсь руководящим редактором).

Что же касается расширения темы статьи о Гоголе-критике, то не о всем так легко тут говорить, как об оценках Гоголем Пушкина. В ряде высказываний Гоголя (о Державине, Языкове и др.) есть много такого, что перекликается с другими статьями «Переписки с друзьями».³

Как Вам живется теперь? Как обставлены Вы материально? Форсируете ли Ваше юридическое оформление?⁴ Как здоровье?

Мне нужно было бы уйти на пенсию, чтобы иметь возможность работать, но не хватает духу заявить об этом своем законном желании. На факультете у нас до 4-го апреля обстановка в известном смысле была не очень здоровая.⁵ Не знаю, как будет дальше.

Шлю Вам сердечный и дружеский привет. Жене прошу кланяться. Когда будете в Москве? Очень хотелось бы с Вами повидаться.

Ваш Н. Гудзий

¹ Онуфриев Н. М., Гайденков Н. М., Григорьян К. Н. Против редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков // Советская книга. 1953. № 3. С. 95–108; Петров С. За научное издание сочинений В. Маяковского // Правда. 1953. 14 апр. № 104. С. 3. Во второй статье, содержащей критику Собрания сочинений В. В. Маяковского в 12 томах (М., 1939–1949), в частности, — редакторской работы В. А. Катаняна, среди прочего отмечалось: «Нарушая волю писателя, некоторые редакторы и текстологи печатают его произведения, не считаясь с последним, одобренным самим автором прижизненным изданием. Они подготавливают к печати текст по собственному усмотрению из различных рукописных и первопечатных редакций и вариантов. Подобная порочная практика в издании сочинений классиков должна быть решительно осуждена. Между тем у нее находятся защитники. В № 3 журнала „Новый мир“ опубликована статья Н. К. Гудзия и В. А. Жданова „Вопросы текстологии“, являющаяся по существу попыткой теоретически обосновать редакторский произвол в издании сочинений классиков. Вместо того, чтобы привести и раскритиковать многочисленные факты такого рода, авторы статьи открыли огонь в другом

направлении, провозглашая необходимость „реставрировать подлинный текст литературного памятника“ по автографам, спискам переписчиков, первоначальным публикациям и т. п.».

² Речь идет о письме Г. М. Маленкову, проект которого был подготовлен Ждановым в конце марта 1953 года. Обстоятельства его возникновения позволяют прояснить письма Жданова к Гудзию. Из письма от 27 марта 1953 года, написанного вскоре после выхода статьи в «Новом мире»: «Я и сейчас не жалею о нашей статье, но мне кажется, что бездеятельность может все дело погубить. Ясно, что они, так бодро выступая, имеют солидную поддержку. Принятая сектором статья поступила на утверждение Ин<ститу>та (его дирекции). Очевидно, они хотят выступить как учреждение. С. М. Бонди сказал мне, что на днях на президиуме Союза писат<елей> резко против выступил Фадеев. Это ведь оч<ень> серьезно. Если в „Правде“ появится ответ (это мое предположение, я ничего об этом не слыхал), трудно будет воевать. По-моему, следовало бы обратиться в директивн<ую> инстанцию к новым людям, к<отор>ые по-новому посмотрят на дело» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 25. № 19. Л. 23–23 об.). Из письма от 28 марта: «Вчера <...> Ю. А. Шапорин спрашивал К. А. Федина, как ему понравилась статья. Федин сказал, что доводы статьи *неопровержимы!* От всех я слышу буквально восторженные отзывы, некоторые перечитывали ее два раза, и тем возмутительнее та блокада, тот аракчеевский режим, к<отор>ый стремятся около нее создать. Я уверен, что обращение к руководящим лицам могло бы сразу изменить положение» (л. 26–26 об.). Наконец, при письме от 29 марта Жданов пересылает Гудзию проект письма Маленкову: «Я все-таки посылаю Вам проект. <...> Чем больше будет высказано обвинений, как бы нелепы они ни были, тем труднее будет оспаривать их. Если же Вы остаетесь при прежнем мнении, этот проект даст Вам возможность обдумать письмо в его окончательном виде <...> Меня все время поражает совпадение дат. Как раз в эти дни в прошлом году (и несколько раньше в позапрошлом году) мы переживали волнения с текстологией. И потому лишь в какой-то мере победили, что все были единодушны. Как будто и теперь общественность на нашей стороне» (л. 32–32 об., 33). В тексте проекта письма говорилось: «В докладе А. А. Фадеева, опубликованном в „Литературной газете“ № 38, подвергнута резкой критике наша статья „Вопросы текстологии“ («Новый мир», № 3). А. А. Фадеев заявил, что статья эта является „замаскированной полемикой с государственным требованием упорядочить издание классиков“. Такое тяжелое обвинение и побуждает нас обратиться к Вам, как к главе правительства, с просьбой снять с нас это ни на чем не основанное подозрение, компрометирующее нас, как граждан советского государства. Прежде всего, никаких специальных новых государственных требований, касающихся изданий классиков и меняющих существующие установки, не было обнародовано. Какую же полемику можно иметь в виду? Кроме того, никаких „наукобразных предложений, которые по существу ревизуют государственные указания“, в нашей статье тоже нет. Она призывает лишь к укреплению тех текстологических норм, которые до сего времени не отвергнуты ни одним правительственным указанием и на основе которых проводится академическая работа (проверка окончательного текста по рукописям), выдвинутая как принцип А. М. Горьким... <...> А. А. Фадеев, выдвигаящий против нас столь тяжкие обвинения, сам и в прошлом одобрял и теперь продолжает утверждать к печати тома сочинений Л. Н. Толстого, подготовленные по этому самому методу, не один раз поясненному в этом издании. Только запальчивостью можно объяснить чрезвычайно странное утверждение А. А. Фадеева о какой-то попытке переиздать „Анну Каренину“ „по первоначальной рукописи“. <...> Утверждение А. А. Фадеева ставит его в неловкое положение, а главное, свидетельствует об очень тяжелых условиях, в которых находятся некоторые работники, занятые изучением текстов классиков. Им созданы условия тягчайшего аракчеевского режима. Это проявилось уже в прошлом году и снова обострилось теперь в связи с нашей статьей. В засекреченном порядке, без приглашения авторов и специалистов наша статья обсуждалась в Институте мировой литературы, и если появится в печати ответ на нее от имени Института, вряд ли кто-либо заподозрит, в каких неестественных условиях он рождался. Точно так же втайне от нас обсуждалась статья на заседании президиума ССП, хотя один из нас является членом ССП. <...> Одно из основных требований для преуспевания науки — свободная дискуссия — грубо попирается в данном вопросе. Мы решительно заявляем, что ничего нового в области текстологии не предлагаем, а призываем к обобщению опыта, к осторожности, к самому тщательному изучению всех литературных документов» (л. 29–30).

³ См. прим. 8 и 9 к п. 14.

⁴ Имеется в виду необходимость скорейшей реабилитации Оксмана. 20 ноября 1957 года он писал генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко: «Судимость с меня была снята указом об амнистии 1953 г. Полагая, что снятие судимости полностью обеспечивает мои права, как человека и гражданина, я не ходатайствовал о реабилитации. Однако избрание меня по конкурсу старшим научным сотрудником Института Мировой Литературы и необходимости моего переезда в Москву, а также восстановления в Союзе Советских писателей выявили необходимость представления документа о реабилитации. Поэтому ходатайствую перед вами, тов. Верховный прокурор, о пересмотре моих „дел“ в Особом совещании при НКВД от середины июня 1937 г. и в Военном трибунале войск НКВД при Дальстрое от 18 марта 1942 г., поскольку оба эти „дела“ и приговоры по ним являются грубым проявлением беззакония той поры». 22 февраля 1958 года

Оксман получил справку из Магаданского областного суда о реабилитации его по делу 1942 года, а 7 октября — справку из Министерства юстиции РСФСР о реабилитации по делу 1937 года (Фролов М. «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». С. 471–472).

⁵ См. прим. 11 к п. 14.

16

18/V 53 <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,
приехав из Москвы, застал у себя на письменном столе ваше письмо. В Москве пробыл неделю, не столько по делам, сколько желая своими глазами посмотреть весеннюю столицу и получить зарядку хотя бы на ближайшие месяцы. Был, конечно, и в Переделкине, где от Корнея Ивановича¹ узнал, что и вы разбили свои летние шатры в кругу многих наших общих друзей и знакомых. Я чуть было и сам не стал переделкинцем, сняв комнату с балконом у вокзального мостика. Даже задаток дал, но так как и жена моя решила отдыхать в этом году под Москвою, то пришлось снять настоящую дачу в Подрезкове, а моя комната остается пока в резерве. Но, разумеется, рассчитываю бывать в Переделкине часто, а потому откладываю до свидания с вами и разговоры, не уместающиеся в рамки письма. Очень был труден для меня и этот год, и предыдущий. По совести говоря, на Колыме было морально, а под конец и материально — много легче, чем в Саратове. Среди чукчей, нищих и обездоленных, вшивых и безграмотных, было гораздо более подлинно интеллигентных людей, чем среди саратовских профессоров и доцентов, больше похожих на фашистских полицаев, чем на русских ученых.* В конце концов я вышел «победителем» из боев с ними, но навсегда, вероятно, утратил вкус и к работе, и к борьбе, и даже к людям: «Скучно на этом свете, господа!»² Бельчиковы, Онуфриевы и Мейлахи блаженствуют на свете...³

Поездка в Москву меня не столько утешила, сколько разболтала. До сих пор не могу прийти в себя, ничего не делаю сверх обязательных лекций и экзаменов, перечитываю Л. Н. Толстого и перебираю старые бумаги. Весна в этом году у нас чудесная — бурно разлилась Волга, буйно цветет сирень. Боже мой, какая отвратительная вещь старость! «Лишь юности и красоты поклонником быть должен гений».⁴ Но ведь мало быть только «поклонником»! Ученикам Маркса, Энгельса, Ленина не может imponировать созерцательный фейербаховский материализм. Мы за диалектику, — не знаю как вы! Предвкушаю удовольствие от встреч с вами в Переделкине. Сердечный привет Татьяне Львовне.

Ваш Ю. О.

* Я имею в виду заправил, а не скромных филологов и историков!

¹ Чуковского. В письме Оксмана Л. К. Чуковской от 15 октября 1954 года содержится такая выразительная характеристика: «Он, конечно, самый замечательный и самый современный из всех русских писателей, доживших до 1954 г. Самый интересный во всяком случае...» (Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...»: Из переписки (1948–1970). С. 149).

² Цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) Н. В. Гоголя.

³ Парафраз реплики Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824; действие 4, явление 13).

⁴ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «To Dawe, Esqr.» (1828).

17

Дорогой

Николай Каллиникович,

наша встреча в Переделкине, на которую я очень рассчитывал, не состоялась. Мы с женою приехали в Переделкино на 20 и 21 августа (кажется, не ошибаюсь в числах). Первый день прогостили у Кавериных, повидались с Чуковскими, а второй день хотели посвятить вам и Андрониковым. Послали к вам девушку условиться о часах встречи, но узнали, что вы в Москве, на совещании каком-то по Толстовскому юбилею.¹ А 24-го нам пришлось уже садиться в Саратовский поезд. Так мы и не закончили нашего короткого первого разговора (на след<ующее> утро поднялся проливной дождь и мы сбежали из Переделкина на первой случайной машине, не успев даже предупредить своих хозяев об отъезде). А поговорить хотелось о многом — я был в Абрамцеве у Виноградовых,² потом у нас был дважды Бельчиков, затем меня приглашали в Инст<итут> Мировой Литер<атуры> по поводу предстоящей текстологич<еской> конференции³ и т. д. и т. п.

Посылаю вам автореферат моей заочной аспирантки Э. Н. Аламдаровой.⁴ Девушка способная и знающая, но устроиться ей удалось только в Сураж. Ваше отчество она переврала — не сердитесь на нее!

Будьте здоровы!

Сердечный привет Татьяне Львовне.

Ваш Юл. Оксман

28/VIII <1953 года. Саратов>

Год установлен по содержанию и по сопоставлению с датой и содержанием следующего письма.

¹ Вероятно, имеется в виду расширенное научное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого в Академии художеств СССР, поскольку основная часть торжественных мероприятий была запланирована и состоялась уже в следующем месяце: 8 сентября — торжественное заседание Ученого совета ИМЛИ, 9 сентября — заседание в Колонном зале Дома Союзов (на этом заседании Гудзий выступил с докладом «Великий русский писатель Л. Н. Толстой», см. следующее письмо), 10 и 11 сентября — объединенное заседание Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук АН СССР, 12 и 13 сентября — научная сессия, посвященная Толстому, в ИРЛИ.

² У лингвиста, литературоведа В. В. Виноградова и его жены, пианистки, педагога-вокалистки Надежды Матвеевны Малышевой-Виноградовой (1897–1990). В Абрамцеве им принадлежала дача № 8, которую Виноградов получил вскоре после его избрания в действительные члены АН СССР в 1946 году (Поселок академиков Абрамцево: Сб. воспоминаний жителей поселка. М., 2014. С. 23).

³ См. прим. 6 к п. 14 и прим. 6 к п. 19.

⁴ Аламдарова Э. Н. Путь К. А. Тренева к социалистическому реализму. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952 (защита диссертации состоялась в марте 1953 года в МГПИ им. В. И. Ленина). Эламдарова Элеонора Никитична (1923–1993) — литературовед, специалист по русской литературе XX века, преподавала в Астраханском государственном педагогическом институте.

18

7/IX 53 <Москва>

Дорогой

Юлиан Григорьевич!

Сегодня мне передали от К. И. Чуковского Ваше письмо и автореферат Вашей аспирантки. При случае поблагодарите ее за внимание.¹

Очень жалею, что не повидался с Вами и с Вашей супругой как следует в Переделкино. Я до бесчувствия замучен Толстым. Как-нибудь расскажу Вам, как писалась, редактировалась моя статья в одном ответственном журнале и как создавали ее язык. 9-го выступаю в Колон<ном> зале, затем в Ясной Поляне и Туле, затем в Киеве.²

Сердечный привет супруге и Вам.

Ваш Н. Гудзий

¹ См. прим. 4 к п. 17.

² На торжественных заседаниях, посвященных 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. О какой именно статье Гудзия идет речь, не вполне ясно — всего в течение 1953 года им было опубликовано семь юбилейных статей, в том числе — на английском, французском и украинском языках (Библиография трудов Н. К. Гудзия. С. 170–171).

19

24/II 54 г. <Саратов>

Дорогой

Николай Каллиникович,

спасибо большое за память — с большим интересом перелистал новое издание вашего учебника «Ист<ория> древней литературы»,¹ лучшего, конечно, из всех учебников, которые были созданы по литературе (разумеется, не только древней) за весь советский период нашей истории. Позавидовал Татьяне Мих<айловне> Акимовой, которой пришлось отдать вашу лекцию «Л. Н. Толстой». Надеюсь у вас выключить ее в Москве, если не достану на складе «Знания»: в Саратове эта брошюра так и не появилась.²

Не писал вам только потому, что с месяца на месяц откладывается текстол<огическое> совещание, на котором обязательно хочу быть и с которым невольно связывается поездка в середине учеб<ного> года в Москву. Очень рассчитываю «поговорить» на этом совещании о новейших так называемых академических изданиях наших классиков, не уступающих ни в чем только... массовым однотомникам. Так, напр<имер>, новое изд<ание> Белинского, при сравнении, оказалось лишь немногим *хуже* трехтомника, сколоченного под фирмой полупокойного Головенченко.³ Я имею в виду не только высоту теорет<ического> и истор<ического> уровня комментат<орского> аппарата, но даже *масштабы* последнего. А тексты? Даже «Лит<ературные> Мечт<ания>», имеющие только один первоисточник текста — печат<ную> пуб<ликацию> в «Молве» — усечены впервые за 90 лет! Отдел «иных редакций и вариантов» вообще упразднен, а в отдел примечаний въехал на белом коне наш общий друг Н. Ф. Бельчиков и решительно уже «упразднил науку», как таковую! Знаете ли вы, что по особой инструкции для участников этого «издания» советские исследователи Белинского были вообще изъяты из употребления (за исключением умерших), а потому составители томов (в этом отношении особую рьяность проявила почтеннейшая Вера Степановна⁴) освободили себя от обязанности читать даже «Лит<ературное> Насл<едство>».⁵ Представляете себе, что получилось, т. е. какая степень архаики в аппарате! А ошибок конкретных я насчитал в среднем от 3 до 5 на каждую комментируемую статью.⁶ Надеялся хорошо рассмешить участников совещания, но выход в свет шестого тома «Мейлах и его современники», выдаваемого подписчикам вместо акад<емической> «Ист<ории> рус<ской> лит<ературы>»,⁷ побил все рекорды невежества, глупости и нахальства.⁸

Надеюсь, что вы здоровы и благополучны!

Ваш Юл. Оксман

Сердечный привет Татьяне Львовне и Анне Каллиниковне.

¹ *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., перераб. М., 1953.

² См. прим. 5 к п. 13.

³ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М., 1948. Выход этого трехтомника, рассчитанного на широкую читательскую аудиторию, был приурочен к 100-летию со дня кончины Белинского. О Ф. М. Головенченко см. прим. 4 к п. 32.

⁴ Н. Ф. Бельчиков был главным редактором академического Полного собрания сочинений В. Г. Белинского в 13 томах (М., 1953–1959). В письме Оксман цитирует «Историю одного города» (1869–1870) М. Е. Салтыкова-Щедрина, а именно характеристику майора Архистратига Стратилатовича Перехват-Залихватского из «Описи градоначальникам»: «Въехал в Глухов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Нечаева Вера Степановна (1895–1979) — историк литературы, текстолог, специалист по творчеству В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского, с 1952 года — заведующая сектором текстологии ИМЛИ, входила в состав редколлегии издания, готовила тексты и комментировала целый ряд сочинений критика. Текст «Литературных мечтаний», включенный в первый том собрания, подготовил и комментарии к нему составил В. С. Спиридонов.

⁵ Лит. наследство. М., 1948–1951. Т. 55–57. В. Г. Белинский. [Кн. 1–3].

⁶ Подробнее об издании, его обсуждении, а также стенограмму выступления Оксмана на Всесоюзном текстологическом совещании, содержащем конкретные замечания к вышедшим томам, см.: *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана. С. 387–390, 399–409. В декабре 1953 года Оксман писал Б. Я. Бухштабу о том, что им был подготовлен «текстологический, источниковедческий и историко-литературный разбор» академического собрания сочинений Белинского, который он, до его публичного обсуждения, не считал возможным опубликовать. Критика издания содержится также в письмах М. К. Азадовскому от 15 ноября и П. Н. Беркову от 31 декабря 1953 года (*Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954. С. 342–343; Русская литература. 2003. № 4. С. 203, 205). 6 мая 1954 года, незадолго до начала совещания, Оксман выступил на Ученом совете ИРЛИ с докладом «Об ошибках, допущенных в академическом издании Полного собрания сочинений Белинского», а 21–22 декабря принял участие в сессии редакционной коллегии издания (*Оксман Ю. Г.* Отчеты о научно-исследовательской работе за 1954–1963 годы // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 1090. Л. 5).

⁷ История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х годов (редколлегия тома: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах (отв. ред.)).

⁸ Ср. в письме И. Г. Ямпольскому от 12 января 1954 года: «...в очередном томе издания „Мейлах и его современники“ (бывшая акад<емическая> «Ист<ория> рус<ской> лит<ературы>», т<ом> VI) <...> из статей изъяты какие бы то ни было сведения не только о моих *исследованиях*, но и о моих *публикациях* — документов, текстов, мемуаров. <...> искажены статьи В. В. Гишпиуса, Н. И. Мордовченко, Д. П. Якубовича. Надеюсь, что этот том все-таки вызовет протесты» (Русская литература. 2003. № 4. С. 208). Ямпольский Исаак Григорьевич (1903–1991) — историк литературы, текстолог, библиограф.

20

15/X <1954 года. Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

несколько раз собирался вам писать этим летом, но, не зная вашего летнего адреса, так и не сделал этого. В конце июня вам звонил, но вас дома не оказалось, а Татьяна Львовна была, видимо, в таком настроении, что я не рискнул лишний раз ее беспокоить*. Жили мы под Москвою, в Подрезкове, до 15 сентября. Жили скучновато, но отдохнули хорошо. Никогда в жизни я так долго не бездельничал. Но на будущий год надо придумать какие-то более эффективные методы использования лета. Хочется мне посмотреть Калининградские места, старый Кенигсберг, а для этого придется пожить где-нибудь

в Прибалтике, чтобы проще было с машиной. Мы еще не Степановы (чуть было не написал — «Мы не греки и не римляне»¹), а тем более не Благие, а потому и вопрос о машине как-то воздействует на решение географических проблем в советских хотя бы масштабах.

Из Москвы я писал своим саратовским друзьям, чтобы вам своевременно выслали том трудов нашей кафедры, посвященный предстоящему Съезду писателей. Несмотря на то, что сам я ничего в этом томе не напечатал, но стоил он мне гораздо больше и времени, и энергии, чем самая трудная собственная статья.² И не только потому, что в этом томе печатались статьи моих учениц, но и оттого, что на меня свалилась вся редакторская работа из-за полного абсентеизма А. П. Скафтымова, отсутствия Е. И. Покусаева³ и беспомощности в издательских делах прочих коллег. Разумеется, никто этого не оценит, никому наш сборник не нужен (кроме авторов включенных в него статей), никто его не отметит, но «долг прежде всего» — нужно честно делать то дело, к которому мы приставлены, не взирая на лица (а тем более свиные рыла) наших уважаемых «власть имущих» товарищей и коллег.

Вы, конечно, помните, что в первых числах ноября должен быть отмечен юбилей А. И. Белецкого.⁴ Мне очень бы хотелось, чтобы наш университет как-то откликнулся на эту дату, а потому прошу вас держать меня в курсе всего того, что предполагается в связи с этим юбилеем в Киеве. Не думаю, чтобы чествование носило государственный характер (то ли дело В. В. Виноградов!⁵), но для меня это и не обязательно.

В конце октября у нас состоится защита диссертации М. П. Громова «Становление реализма Л. Н. Толстого». Мне придется быть оппонентом, так как я хотел помочь этому юноше и обещал ему ускоренную защиту в Саратове, рассчитывая на А. П. Скафтымова, а последний не захотел даже взглянуть на работу. Вот и попал я как «кур во щи»! Очень меня интересует ваше мнение и об этой диссертации, и об ее авторе.⁶

Чувствую я себя плоховато, т. е. далеко не так, как обязаны себя чувствовать люди нашего возраста после четырехмесячного легкого быта и дачного отдыха (в этом году я с 1 мая по 15 сентября числился то в командировке, то в отпуске). Работоспособность — ничтожная, продуктивности — никакой. Конечно, дело не в одном диабете, а и в «настроениях», мешающих нормальному жизнеощущению.⁷ Ну, а вы, дорогой друг, как функционируете?

Сердечный привет Татьяне Львовне и вам и от Ант<онины> Петровны и меня.

Ваш Юл. Окс.

* В этих строках нет и тени упрека. Я ведь очень чту Татьяну Львовну и знаю, как ее надо сейчас беречь.

Год устанавливается по почтовому штемпелю отправления на конверте: «17.10.54. Саратов».

¹ Цитата из «богатырской сказки» Карамзина «Илья Муромец» (1794).

² Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1954. Т. 41. Вып. филологический. В книгу вошли статьи и публикации Е. П. Никитиной, Т. М. Акимовой, П. А. Бугаенко, А. А. Жук, В. К. Архангельской, О. Ф. Карпаковой, А. П. Медведева, И. А. Соловьевой, Р. А. Резник, И. А. Хаскиной, С. К. Шмелевой, посвященные А. Т. Твардовскому, М. В. Исаковскому, А. П. Чапыгину, Ф. В. Гладкову, К. А. Федину, К. А. Треневу, А. А. Фадееву, Г. Е. Николаевой, Ги де Мопассану, М. Пуймановой и Г. Фасту. Оксман был членом редколлегии этого сборника.

³ С августа 1953 года А. П. Скафтымов подавал заявления об уходе из СГУ, 19 сентября 1954 года он писал Оксману: «Мое положение по-прежнему остается нелепым. Я настаиваю, чтобы меня уволили на пенсию. А там пока все „думают“». Просьбы Скафтымова были удовлетворены лишь в сентябре 1955 года. Отсутствие Покусаева в Саратове было связано с тем, что 1 марта 1954 года он стал докторантом ИРЛИ, работал над докторской диссертацией «Идейно-творческий путь Салтыкова-Щедрина в шестидесятые и семидесятые годы» (защита состоялась

в 1957 году) и сталкивался с необходимостью регулярных отъездов в Ленинград (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 262, 263, 264–265, 266–267).

⁴ 2 ноября 1954 года А. И. Белецкому исполнилось 70 лет. Гудзий откликнулся на эту дату тремя статьями: Видатний вчений-патріот // Радянська Україна. 1954. 2 нояб.; Александр Иванович Белецкий (К 70-летию со дня рождения) // Известия ОЛЯ. 1954. Т. 13. Вып. 5. С. 464–468; Олександр Іванович Білецький (До 70-річчя з дня народження) // Література в школі. 1954. № 6. С. 86–90. В архиве Гудзия сохранились 148 писем и 12 телеграмм Белецкого за 1917–1961 годы (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 17. № 2–7). 18 февраля 1955 года Белецкий поздравлял Оксмана с юбилеем, и это письмо будет не лишним процитировать для понимания истории их взаимоотношений, а также для характеристики личных качеств Белецкого: «Это письмо придет уже после Вашего юбилея, но мне хочется еще раз приветствовать Вас, моего младшего современника (не понимаю, как это случилось, что Вам уже шестьдесят лет! Credo quia absurdum), вспомнить о нашей встрече в Одессе (1924?), о том, как Вы хотели перевести меня в Ленинград, в „Пушкинский дом“, и о том, как в нашу последнюю встречу Вы сказали, что воспринимаете меня не так, как прежде — и (не помню точно Ваших слов), что Вы освободились от существовавших у Вас на мой счет предубеждений <...> После статей „В мастерской художника слова“ и статьи „Проблема синтеза в литературоведении“ (Харьков, 1941) мне почти не приходится высказываться по интересующим меня вопросам в печати: я — „сказитель“, опозоренный безграмотными стенограммами; но и в 70 лет я все еще думаю, что мне удастся когда-нибудь прозвучать всенародно (о наивность!)» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 298. Л. 1, 1 об.). Упомянутая Белецким встреча в Одессе могла состояться не позднее 1923 года — следующие 13 лет жизни и работы Оксмана были связаны с Ленинградом. В письме Белецкий говорит о следующих своих работах: В мастерской художника слова // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1923. Т. 8. С. 87–277; В мастерской литературного слова // Учительская газета. 1939. 7 сент.; Проблема синтеза в литературоведении // Учені записки Харківського державного університету. 1940. Т. 19. С. 327–341. Ср. в письме Белецкого Оксману от 22 июля 1958 года: «...я готов — со стороны — оценить этого дилетанта, украинского „просветителя“, обладавшего, быть может, даже задатками ученого — к сожалению, усохшими или полужаглыми к 30-ым годам» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 298. Л. 8).

⁵ Речь идет о приближающемся 60-летию В. В. Виноградова, отмечавшемся в январе 1955 года торжественными заседаниями в АН СССР и МГУ. Юбилей его отмечался также в Доме ученых в Москве 11 января 1955 года, о чем К. И. Чуковский сообщал Оксману 12 апреля 1955 года: «Я был на чествовании Виноградова, и оно отшатнуло меня своей казенностью, банальностью, чопорностью» (Оксман Ю. Г., Чуковский К. И. Переписка [1949–1969]. С. 69, 70 (комм. А. Л. Гришунина)).

⁶ Громов Михаил Петрович (1927–1990) — литературовед, специалист по биографии и творчеству А. П. Чехова и Л. Н. Толстого; до 1954 года жил в Ростове-на-Дону. См.: Громов М. П. Становление реализма Льва Толстого (1847–1856). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1954. После защиты диссертации (28 октября 1954 года в СГУ) в течение десяти лет преподавал в Новочеркасском и Таганрогском педагогических институтах. Впоследствии, с 1964 года — преподаватель, в 1967–1977 годах — доцент Московского полиграфического института. Одновременно, в 1964–1987 годах читал лекции на филологическом факультете МГУ (без зачисления в штат). В самом начале февраля 1954 года (датируется по штемпелю получения на конверте: «9.2.54. Саратов») Громов писал Оксману о своей диссертации: «...работа не совсем еще закончена. Нужно перерабатывать вторую и третью главы, писать введение и автореферат. Должно быть, закончу в феврале — это, конечно, поздно для защиты в Саратове. Л. П. <Жак. — М. Ф.> обещала похлопотать у Н. К. Гудзия, но что выйдет из этих хлопот и понравится ли Н. К. работа, я не знаю. При всех условиях позвольте мне послать Вам остальные главы, которые, на мой взгляд, гораздо более интересны и содержательней, чем первая» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 445. Л. 8). 5 марта: «Н. К. Гудзий болен и занят до последней крайности делами Киева; он решительно советует защищать в Саратове. Очередь в МГУ огромная, раньше будущего года и думать о защите нечего. Меж тем, от быстроты защиты (или хотя бы представления к ней) зависит мое назначение» (л. 11). 17 марта: «Мнение А. П. <Скафтымова. — М. Ф.>, конечно, решает дело, — я особенно его опасаясь, потому что никак не могу его предугадать» (л. 13). 12 сентября: «В Москве я в течение трех дней воевал из-за назначения и, в конце концов, выбил новочеркасский пединститут. Это, по-видимому, наилучший вариант, тем более что мне дали великолепную квартиру и на кафедре нет ни одного кляузника. Автореферат, как Вы можете видеть из прилагаемого, я напечатал, предварительно помучившись с ним и перекроив его на двадцать разных ладов» (л. 14).

⁷ Такими же грустными признаниями, продиктованными серьезными проблемами со здоровьем (глаза, сердце, диабет), потерей друзей и коллег, необходимостью отложить планы переезда на постоянное место жительства и работы в Москву, разочарованием результатами собственной научной работы за прошедший год, проникнуты декабрьские письма 1954 года и январское письмо 1955 года к Б. Я. Бухштабу и П. Н. Беркову (Русская литература. 2003. № 4. С. 216–217, 219; 2004. № 1. С. 145).

28/X 54 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич!

Спасибо Вам за то, что вспомнили меня, помнящего Вас всегда тепло и преданно.

Живу я совсем неважно. Летом вовсе не отдыхал. Месяц прожил в доме творчества, очень скромном и аскетическом, но располагающем к работе — в Голицыне, в 40 км. от Москвы. Там без устали писал большую статью для факультетского сборника об изучении русской литературы в Московском университете от его основания до 1917 (в связи с близящимся его 200-летним юбилеем; до этого для общеуниверситетского сборника написал статью об общем литературоведении за тот же период для общеуниверситетской истории Моск<овского> ун<иверситета>). Всего за этот месяц и за последующий в Москве написал свыше 7 листов. Кроме того, написал отдельную брошюру о Тихонравове с подробной библиографией (листа 3 ½).¹ Татьяна Льв<овна> отдыхала на Рижском взморье, в писательском доме, в Дубултах. Приехала она в начале сентября окрепшей и довольно бодрой. Но вот больше месяца назад на нее свалилась двойная книжная лестница, ударила ее в голову и причинила ей сильные боли в голове и в спине. Ни невропатологи, ни терапевты не догадались сделать рентгеновский снимок, несмотря на то, что Т. Л. жаловалась на сильную боль в спине, а когда я вернулся из Севастополя, куда ездил на неделю — на сессию отделения обществ<енных> наук АН УССР в связи с празднованием 100-летия обороны Севастополя, то застал Т. Л. привязанной лямками к столбикам, прибитым к ее постели: сделанный, наконец, рентгеновский снимок обнаружил «компрессивный» перелом у нее позвоночника! Придется Т. Л. пролежать еще не менее месяца, а затем — в корсете — еще около месяца ходить или лежать, но не садиться. Если прибавить к этой травме гипертонию Т. Л. и желудочные неполадки, то можете себе представить, каково ее состояние и каково настроение. Трудно представить себе что-нибудь более мрачное, чем то, что характеризует настроение Т. Л.

Как ни тяжело мне оставлять ее и как ни невесело у меня на душе, я в воскресенье собираюсь днѣй на пять лететь в Киев, где я 2 ноября выступаю с докладом об А. И. Белецком на его юбилее, извещение о котором Вы, конечно, получили, и где у меня и помимо этого масса дел, тем более что я давно там не был.

Теща М. П. Громова Л. П. Жак² прислала мне автореферат его диссертации с просьбой дать о нем отзыв, но крайняя занятость, суэта домашняя помешали мне выполнить ее просьбу. С авторефератом я познакомился и, судя по нему, думаю, что диссертация содержательная и дельная. Сегодня, кажется, состоялась ее защита. Мысленно поздравляю автора с удачным исходом диспута.

От Т. М. Акимовой я получил очередной том Ученых записок Вашего университета и поблагодарил ее за внимание. Как хорошо работает Ваш факультет и какую большую долю вносите Вы в эту работу! Вам следует быть оптимистом, несмотря на Ваши недомогания и на плохое настроение, хотя бы потому, что сами Вы в своих исследованиях так плодотворно работаете и так тонко, как дай Бог каждому из нас!

Несколько днѣй назад был у меня вернувшийся Переверзев, пока еще не обосновавшийся в Москве, но надеющийся на это.³

Сердечный привет Антонине Петровне и Вам от меня и от Татьяны Львовны. Она благодарит Вас за теплые Ваши слова о ней.

Душевно Ваш

Н. Гудзий

¹ *Гудзий Н. К.* 1) Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский период). М., 1958; 2) Николай Саввич Тихонравов. М., 1956. См. также прим. 7 к п. 13.

² Жак Любовь Петровна (1907–1982) — историк литературы, литературный критик, специалист по творчеству М. Горького и советской литературе, автор работ о деятелях революционного движения; доцент кафедры русской литературы СГУ (1946–1949). Громов был женат на ее дочери Инне.

³ Переверзев Валерьян Федорович (1882–1968) — литературовед-марксист, педагог; в 1938 году был арестован, срок отбывал в лагерях на Колыме и в Минусинске, освобожден в 1948 году и вскоре вновь арестован, находился в заключении, а затем в ссылке в Красноярской области; окончательно вернулся в Москву лишь в 1956 году. Гудзий участвовал в хлопотах по его реабилитации, 21 октября 1956 года он сообщал в письме В. П. Адриановой-Перетц: «Я как-то, будучи в прокуратуре по делу реабилитации Переверзева, который благополучно теперь живет в Москве и восстановлен во всех правах, заинтересовался делом Г. А. Гуковского, но прокурор, охотно принеся его дело, так и не мог сказать мне ничего вразумительного» (*Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (по архивным материалам) // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 188).

22

<Февраль 1955 года. Москва>

ДОРОГОГО ДРУГА, ТАЛАНТЛИВОГО УЧЕНОГО ЮЛИАНА ГРИГОРЬЕВИЧА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ С ЕГО ЮБИЛЕЙНЫМ ПРАЗДНИКОМ.¹ ЖЕЛАЮ ДОЛГОЛЕТИЯ, ПРЕУСПЕЯНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ = ГУДЗИЙ

Телеграмма. Штемпель получения на бланке: «16.2.55. Саратов». Телеграмма, адресованная — «Саратов Университет Филологический факультет Профессору Оксману», — достигла адресата не сразу.

¹ В январе 1955 года Оксману исполнилось 60 лет.

23

17/III <1955 года. Саратов>

Дорогой

Николай Каллиникович!

Приношу глубокую благодарность за ваш сердечный привет. Вы, конечно, успели давно привыкнуть к своему 60-летнему возрасту, а мне все это вновь и очень неуютно. «Неуютно» — чисто в психологическом отношении, предрасполагая к какой-то мнительности и настороженности, но авось обойдется.

В январе–феврале прожил с женою в Ленинграде, куда поехал под предлогом конференции по обсуждению проспекта «Ист<ории> рус<ской> критики»,¹ но поехал бы и без всякого предлога. Две недели промелькнули как сон — в трудах, в спорах, в веселых встречах с<о> старыми друзьями и молодыми учениками и даже ученицами. Это и был для меня настоящий «юбилей», т. е. настоящая жизнь, дополненная и расцвеченная воспоминаниями. Не могу жаловаться и на официальное «чествование» — оно проведено было на большую ногу, совсем не по Саратовским масштабам. Я и сам не думал, что столь огромное число лиц и учреждений захочет выразить свое положительное отношение к еще вчерашнему каторжнику. Но из колеи все это меня выбило, и давно уже ничего не пишу, не выполняя самых неотложных обязательств.²

Сегодня утром прочел вашу статью в защиту А. Оришина. Так как я уже примерно с месяц тому назад написал пострадавшему почти все то, что сейчас так хорошо сказали вы, могу только порадоваться такому совпадению наших мнений.³

Низкий поклон Татьяне Львовне от Антонины Петровны и меня. Был бы счастлив получить от Вас хотя бы открыточку с информацией о ваших делах и состоянии здоровья.

Весь ваш Ю. О.

Штемпель отправления: «17.3.55. Саратов». Штемпель получения: «20.3.55. Москва».

¹ Речь идет о проспекте (изданном в 1954 году «на правах рукописи» тиражом 150 экз.) коллективного научного труда, вышедшего два года спустя: История русской критики: В 2 т. / Под ред. Б. П. Городецкого. М., 1958. Оксман собирался выступить на его обсуждении в первой половине ноября 1954 года (Русская литература. 2003. № 4. С. 215, 216), но оно было перенесено и состоялось в конце января 1955 года. О своем выступлении Оксман сообщил К. И. Чуковскому 15 апреля (Оксман Ю. Г., Чуковский К. И. Переписка [1949–1969]. С. 72).

² В письме П. Н. Беркову от 16 марта Оксман подробно рассказал об исключительном внимании к нему со стороны «старых и новых друзей», а также «тех двух сотен филологов, историков, которые прислали в Университет свои письма, телеграммы, адреса» (Русская литература. 2004. № 1. С. 147). См. также статью саратовских коллег Оксмана, приуроченную к его юбилею: Бах С., Сиротинина О., Скафтымов А., Покусаев Е., Акимова Т., Бугаенко П., Дербов Л., Кашкин И. Юлиан Григорьевич Оксман // Сталинец (Саратов). 1955. 15 янв. № 2. С. 2.

³ Гудзий Н. Несправедливая критика // Литературная газета. 1955. 15 марта. № 32. С. 3. Статья была направлена в защиту литературоведа, доцента Львовского государственного университета им. И. Франко Антонина Дмитриевича Оришина от нападков в печати на его брошюру «Белинский и русская литература XVIII века» (Львов, 1954) со стороны А. Ищука (см. его статью: Об одной ошибочной трактовке теоретического наследства В. Г. Белинского // Радянська Україна. 1955. 16 янв.). 13 февраля 1955 года Оришин писал Оксману: «Посылаю Вам мою брошюру „Белинский и русская литература XVIII в.“ и обращаюсь к Вам с просьбой высказать о ней хотя бы вкратце свое мнение. Я не посмел бы Вас беспокоить этой просьбой, если бы не одно обстоятельство. Брошюра вызвала необычайно резкий отрицательный отзыв в газете „Радянська Україна“. Рецензент А. Ищук обвинил меня, как Вы можете убедиться из рецензии, в самых тяжелых прегрешениях против Белинского и чуть ли даже не в украинском буржуазном национализме. Я самого скромного мнения о достоинствах и значении своей брошюры. Тем не менее, с критикой Ищука согласиться не могу. Не говоря уже о непозволительной грубости тона, полной бездоказательности и грубых передержках, рецензия Ищука, на мой взгляд, ошибочна и даже вредна еще и тем, что проповедует совершенно неправильное, противоречащее ленинским принципам отношение к нашему классическому наследству, которое не нуждается в лакировке и улучшении <...> Ваш адрес я узнал от П. Н. Беркова, который, собственно, и порекомендовал мне обратиться к Вам как к крупнейшему знатоку Белинского» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 735. Л. 1–1 об., 2).

24

3/IV 55 <Москва>

Дорогой Юлиан Григорьевич,

Я сердечно рад, что Ваше юбилейное чествование прошло так исключительно тепло и торжественно, как оно прошло. Вы заслужили в полной мере горячую отзывчивость на Ваш праздник — заслужили в гораздо большей мере, чем многие другие юбиляры — и как ученый, и как личность — незаурядный и незаурядная. А Ваше шестидесятилетие пусть Вас не смущает: это расцвет мужского возраста, сулящий во всех отношениях самые разнообразные возможности, удач, достижения, завоевания, победы, радости. Мне вот через месяц стукнет 68! Это гораздо серьезнее и значительно менее утешительно, но и мне не хочется думать об угрозах, связанных с этой цифрой, хотя я все более озабочен судьбой своей библиотеки, картин, огромного количества писем — после наступления своего небытия.¹

Неделю назад вернулся из Киева, где пробыл около 10-ти дней в связи с сессией Академии наук Украины и в связи со своими украинскими

делами. Моя заметка в «Литературной газете» произвела на киевлян самое благоприятное впечатление как предупреждение безответственным наездникам, к тому же достаточно невежественным. Заметку эту я написал по просьбе «Литературной» газеты». Ни Оришина (от которого получил благодарственное письмо), ни книжки его, ни статьи Ищука (декана филологического факультета Киевского университета!) я не знал до тех пор, пока мне не были присланы материалы «Литературной газеты».

В Киеве живетя и работаетя довольно уныло. Там всего боятся и даже академические «полные» собрания сочинений печатают с изъятиями и купюрами. Будучи редактором тома с письмами Шевченка, я до сих пор не могу добиться того, чтобы в академическом издании было напечатано 1-е письмо Шевченко (к его брату) 1839 г., давно уже много раз печатавшееся и пугающее тем, что Шевченко просит брата, чтобы он писал ему не «московскою мовою, а рідною», бо «москалі чужі люди...».²

Вы, вероятно, уже знаете о скандальной истории, в которую попали Александров, Еголин, Кружков, С. Петров и др. Еголина исключили из партии, уволили из Университета и из Института мировой литературы, имя его снимается отовсюду. Не приложу ума, как он мог затесаться в эту грязную историю, и не представляю себе, как физически и нравственно переживает он всю эту встряску.³

Татьяна Львовна на днях вернулась из санатории, из Болшева, где она провела больше 2-х месяцев, но состояние ее здоровья все еще неважно. Я устал до чертиков и плохо работаю. У жены гипертония, а у меня гипотония — верхнее 100, нижнее — 60!

А проспект исторической русско-критики произвел на меня очень неважное впечатление.⁴

Мой сердечный привет Антонине Петровне и Вам от меня и от Татьяны Львовны.

Душевно Ваш

Н. Гудзий

¹ Книжная и рукописная часть коллекции Гудзия в 1967 году, согласно его завещанию, поступила в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (Ф. 7). Материалы личного фонда ученого сосредоточены в двух архивах: преимущественная их часть хранится в НИОР РГБ (Ф. 731), значительно меньшая по объему, но не по научной ценности — в уже упомянутом фонде Научной библиотеки МГУ. См.: *Кашутина Е. С.* 1) Книжное собрание Н. К. Гудзия в фондах Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Из коллекции редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета: [Сб. статей / Под ред. Е. С. Карповой]. М., 1981. [Вып. 3]. С. 34–47; 2) Архив Н. К. Гудзия в Научной библиотеке Московского университета // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета: [Сб. статей / Под ред. Е. С. Карповой]. М., 1987. [Вып. 4]. С. 96–119.

² Речь идет о письме Т. Г. Шевченко брату, М. Г. Шевченко, от 15 (27) ноября 1839 года: «Та, будь ласкав, напиши до мене так, як я до тебе пишу, не по-московському, а по-нашому,

Бо москалі чужі люди,
Тяжко з ними жити;
Немає з ким поплакати,
Ні поговорити.

<...> Ще раз прошу, напиши мені письмо, та по-своєму, будь ласкав, а не по-московському» (*Шевченко Т. Г.* Повне зібрання творів: У 12 т. Киев, 2003. Т. 6. Листи. Дарчі та власницькі написи. Документи, складені Т. Шевченком або за його участю. С. 11–12). В это время Шевченко находился в Петербурге, учился в Академии художеств. Гудзий был председателем редакционной коллегии, одним из редакторов академического Полного собрания сочинений Шевченко в 6 томах, готовившегося на Украине и вышедшего в свет в 1963–1964 гг. Цитируемое Гудziem письмо Шевченко вошло в упомянутое издание без каких-либо сокращений, см.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. У 6 т. Київ, 1964. Т. 6: Листи. Нотатки. Фольклорні записи. С. 10 (благодарю

А. В. Геворкяна за сообщенные сведения). В библиографии печатных трудов Гудзия также зафиксирована публикация писем Шевченко, осуществленная им в 1920-е годы: Письма Шевченко к С. Т. Аксакову // Искусство. 1927. Кн. 2–3. С. 157–163.

³ Об этом скандале, имевшем широкий общественный резонанс и оставшемся в истории под названием «Дело гладиаторов» (главными его фигурантами стали: министр культуры Г. Ф. Александров, лишившийся своего поста, литературоведы А. М. Еголин и С. М. Петров, уволенные из ИМЛИ, а также заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. С. Кружков), см., в частности: *Жирнов Е.* 1) Коллективный гарем из молодых актрис // Коммерсант-Власть. 2005. № 46. С. 74–79; 2) «Разврат, пьянка, совращение девушек» // Там же. № 47. С. 68–75. 1 апреля 1955 года Президиумом АН СССР было принято постановление в отношении Еголина и Петрова: «Отстранить члена-корреспондента А. М. Еголина от обязанностей заведующего сектором Института мировой литературы им. А. М. Горького и вывести из состава Бюро Отделения литературы и языка, из состава Ученого совета Института мировой литературы, из состава редколлегии журнала „Известия Отделения литературы и языка АН СССР“, десяти томной „Истории русской литературы“, Собрания сочинений А. И. Герцена, снять с должности главного редактора „Литературного наследства“ и председателя Комиссии по истории филологических наук. Отстранить кандидата филологических наук С. М. Петрова от обязанностей заведующего сектором Института мировой литературы им. А. М. Горького и вывести из состава Ученого совета Института мировой литературы и из состава редколлегии Собрания сочинений В. В. Маяковского и 7-го тома десяти томной „Истории русской литературы“» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. № 88. Л. 70).

⁴ См. п. 23 и прим. 1 к нему.

25

30/І 56 <Саратов>

Дорогой

Николай Каллиникович,

давно не видел вас — скажу прямо: очень соскучился и в последнее время часто вспоминаю вас, даже спорю иногда мысленно с вами. Все это хорошие признаки — значит, я в самом деле люблю вас или, что то же самое — чувствую потребность во встречах с вами и эту «потребность» (или необходимость) люблю (сентенция эта заимствована из воспоминаний вдовы Драйзера, очень умной женщины, которая говорит о том, что мною написано, гораздо лучше).¹ Хотел было писать вам, но узнал, что вы где-то в Англии. Потом об этом же прочел в «Литер<атурной> Газете»,² а писать уже было трудно — навалила работа всякая, да так придавила, что и света божьего второй месяц не вижу. 2-го февраля еду с Антониной Петровной в Ленинград на месяц — опять не отдыхать, а работать.³ В Москве задержимся дня три⁴, но один из них уйдет на Переделкино, а остальные два будут, видимо, перегружены всякими делами настолько, что едва ли вас увижу — вы ведь тоже не празднующийся энтузиаст, чтобы выбивать вас из колеи в любое время. Встретимся, значит, в марте, в первых числах, когда буду возвращаться в Саратов. Вы, вероятно, слыхали, что я собираюсь перебраться осенью в Москву. Это замысел серьезный, хотя внутренней необходимости в переезде не ощущаю. Здесь меня давно уже не обижают, дают волю быть самим собою, не перегружают работой, охотно отпускают в любое время года в командировки — чего же нам боле? А всякого рода договоров на любые работы по линии Госиздата или Совет<ского> Писателя — могу иметь сколько угодно и не выезжая отсюда. И все-таки как странно гнить на саратовском кладбище, хотя чем лучше Ваганьково — право не знаю.⁴ Не думайте, что я впал в мизантропию, — наоборот — «каков я прежде был, таков и ныне я»,⁵ что даже несколько претенциозно на 62 году жизни!

Большое спасибо за университетский сборник о Толстом**. Я его успел пока что только перелистать, а прочел лишь умную работу Л. Д. Опульской

о «Воскресении». В статье Безруковой больше, к сожалению, от нашего Страхова, чем от вас. Н. Я. Соловей⁶ — не совсем «натуральный», как говаривал покойный А. Н. Толстой. Но в общем и целом — все свежо и интересно, особенно после того, как набьешь оскомину словоблудием какого-нибудь Ермилова или Мясникова.⁷ Не радуется, впрочем, и Бурсов — имею в виду последний том «Учен<ых> Зап<исок> ЛГУ», где великолепную статью о поэзии 50–60-х годов напечатал И. Г. Ямпольский.⁸ А 16 февраля предстоит мне быть офиц<иальным> оппонентом на защите докторской диссертации С. А. Рейсера.⁹ При случае пришлю Вам свой отзыв о диссертации Макогоненко. Отзыв, как и все отзывы, довольно скучен, но заключительная его часть не лишена интереса — я и писал ее с расчетом «на публику», невзирая на лица, почти «во все колокола».¹⁰ В феврале выйдет в Ленинграде мой новый однотомник Рылеева — издание массовое, но *все* рукописные тексты и датировки сделаны заново, отменяя моего же Рылеева 1934 г. в «Биб<лиотеке> поэта».¹¹ В «Ежегоднике Саратовского Гос<ударственного> Унив<ерситета>», кот<оры>й своевременно вам придется, печатая проспект своей работы о Пушкине и Радищеве. Но более интересна в этом ежегоднике продукция моих саратов<ских> учеников.¹² Вижу, что расхвастался свыше меры — надо кончать. Сердечный привет Татьяне Львовне и вам от нас обоих.

Ваш Юл. Оксм.

* Жить будем у Кавериных на Лаврушинском, под Благими.¹³

** Мелькает мысль, чтобы в «Известия ОЛЯ» написала бы рецензию на этот сборник наша И. В. Чуприна, очень умная и тонкая девушка.¹⁴

¹ Вероятно, речь идет о следующей фразе из воспоминаний вдовы американского писателя Теодора Драйзера (1871–1945) Элен Драйзер: «Никогда за всю нашу двадцатилетнюю совместную жизнь между нами не было такой духовной, интеллектуальной и физической близости, как в эти последние годы его жизни. Мне выпало счастье заново пережить воскресшую любовь, сочетающуюся с новой и очень тесной духовной близостью» (*Драйзер Э. Моя жизнь с Драйзером (Страницы из воспоминаний)* / Сокр. пер. с англ. Т. Озерской, И. Тихомировой, Н. Трениной; предисловие И. Анисимова. М., 1953. С. 161).

² Среди ответов на вопросы новогодней анкеты «Литературной газеты», опубликованных под общей рубрикой «Наши творческие замыслы» 5 января 1956 года, был и ответ Гудзия: «Много времени в новом году предстоит мне уделить подготовке к печати книги „Украинские интермедии XVII–XVIII веков“. Мне поручены редакция текстов, вступительная статья и комментарии. Продолжаю работать над монографией о творчестве Льва Толстого. Эта работа рассчитана на несколько лет. Недавно я вернулся из поездки в Англию и Шотландию. Мне было весьма интересно ознакомиться с постановкой преподавания русской литературы и языка в университетах этих стран, встретиться с учеными и студентами. Впечатлениями этой поездки я делюсь сейчас в статьях и очерках, заказанных мне нашими журналами и газетами» (*Литературная газета*. 1956. 5 янв. № 2. С. 1). Три таких очерка были опубликованы вскоре: *Гудзий Н. К.* 1) Поездка в Англию и Шотландию // *Московский университет*. 1956. 10 февр.; 2) По Англии и Шотландии // *Иностранная литература*. 1956. № 4. С. 215–218; 3) Великобритания и СССР // *Советская культура*. 1956. 12 апр. № 43. С. 4.

³ В январе 1956 года Оксман выступал в ИРЛИ с докладом «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“».

⁴ В 1958 году Оксман окончательно обосновался в Москве, где до 1964 года работал старшим научным сотрудником Отдела русской литературы в ИМЛИ (избрание его по конкурсу состоялось еще в октябре 1956 года, полная реабилитация — в октябре 1958 года, два года он работал по совместительству, бывая наездами в Саратове).

⁵ Цитата из стихотворения Пушкина «Отрывок из Андрея Шенье» (1828).

⁶ Лев Николаевич Толстой: Сб. статей о творчестве. М., 1955. Т. 1 / Под ред. Н. К. Гудзия. В этом сборнике опубликована статья «Идейно-художественные особенности романа Л. Н. Толстого „Воскресение“», написанная ученицей Гудзия, литературоведом, текстологом Лидией Дмитриевной Опульской (во втором браке Громовой; 1925–2003). В письме также упоминаются статьи З. П. Безруковой «Формы психологического анализа в романах Л. Н. Толстого „Война и мир“ и „Анна Каренина“», Н. Я. Соловей «Севастопольские рассказы» и имя И. В. Страхова,

психолога, педагога, преподававшего в 1940-е годы в СГУ, Саратовском государственном педагогическом институте и ЛГУ. Целый ряд его публикаций был посвящен анализу творчества Толстого не только с литературоведческой, но, главным образом, с психологической стороны («внутренние монологи», «структура характеров»), включая монографию «Л. Н. Толстой как психолог» (1947).

⁷ Упомянуты: литературовед, критик, активный участник многих разгромных политических кампаний в отношении литературы и филологической науки Владимир Владимирович Ермаков (1904–1965), а также литературовед Александр Сергеевич Мясников (1913–1982).

⁸ *Ямпольский И. Г.* Некоторые вопросы русской поэзии 1850–1860-х годов // Учен. зап. Лeningradского гос. ун-та им. А. А. Жданова. 1955. № 200. Сер. филол. наук. Вып. 25. Русская литература. С. 23–69; *Бурсов Б. И.* Структура характеров в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Там же. С. 79–131. Поздравляя Ямпольского с публикацией статьи, Оксман писал ему 5 января 1956 года о том, что она по масштабу и научному значению заметно выделяется в ряду его работ последних лет, особо отметив, что Ямпольский комплексно рассматривает «широкий круг явлений не сбоку, а сверху и притом без предвзятых точек зрения» (Русская литература. 2004. № 1. С. 160). Бурсов Борис Иванович (1905–1997) — историк литературы, с 1951 года — профессор ЛГУ.

⁹ Защита докторской диссертации «Н. А. Добролюбов в 1836–1857 гг. (Подготовка и становление литературной и общественно-политической деятельности)» давнего друга и коллеги Оксмана, историка литературы, текстолога Соломона Абрамовича Рейсера (1905–1989) состоялась 16 февраля 1956 года в ЛГУ. Но подготовка защиты не обошлась без серьезных трудностей. 15 сентября 1955 года Оксман писал Рейсеру относительно перспектив предстоящей защиты в Ленинграде: «Вы знаете мою точку зрения на этот счет и оптимистическую оценку именно нынешней ситуации в Ленинградском университете для проведения вашей диссертации без сучка и задоринки. Летом я имел возможность говорить об этом с нашими общими знакомыми в Комарове, — и все (в том числе и потенциальные оппоненты) были согласны со мною в том, что и вы, и Б. Я. <Бухштаб. — М. Ф.>, и Ямпольский должны в ближайшее же время получить то, что им не было додано в пору бушманско-бельчиковских <отсылка к именам А. С. Бушмина и Н. Ф. Бельчикова. — М. Ф.> экспериментов в нашей науке. Итак, поздравляю вас с успешным началом дела. Не знаю, в каком положении у вас автореферат — но помните, что он может иметь большое значение, а потому не делайте его излишне геллертерским <так!>, введите оценку книги Кружкова, как самой показательной для всех вульгаризаторов, стоящих на богословских, а не исследований <ательских> позициях. Ваша сила — „конкретный историзм“, чего нет у Кружкова <В. С. Кружкова. — М. Ф.> и бельчиковых обоего пола. Словом, помните о теоретич<еской> высоте докторского автореферата!» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 6–6 об.). В письме упомянута книга В. С. Кружкова «Мировоззрение Н. А. Добролюбова» (М.: Госполитиздат, 1950; 2-е изд.: 1952); *геллертерский* (у Оксмана ошибка в написании) — затрудняющий понимание излишней ученостью. 15 октября Оксман получил от Рейсера машинопись докторской диссертации: «...получил оба ваши фолганта — успех их пока проглядеть только в течение пятнадцати минут, но впечатление получилось очень хорошее. Все на месте, освежено в дополнительных справках, добротнo, занимательно, перспективно <...> Но письма из Ленингр<адского> унив<ерситет>a до сих пор нет. Как только его получу, сяду за предварительный отзыв» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 8). 28 октября Оксман сообщил своему адресату: «...посылаю вам предварительный отзыв и прошу его передать вместе с письмом к И. П. Еремину — по назначению. Итак, машина завертелась, а после напечатания автореферата события пойдут такими быстрыми темпами, что вы не успеете оглянуться, как окажетесь доктором» (Там же. Л. 11). Еремин Игорь Петрович (1904–1963) — литературовед, в 1951–1963 годах — заведующий кафедрой русской литературы, в 1950–1960 годах — декан филологического факультета ЛГУ. Спустя некоторое время Рейсер рассказывал Оксману о новостях, связанных с подготовкой защиты. Из письма от 15 ноября: «Предтеченский обещает завтра дать предварительный отзыв; тогда реферат можно будет печатать. Нужно начать уточнять дату: декабрь не выйдет, да и Вам, видимо, неудобно. Напишите, пожалуйста, когда именно в январе Вам всего лучше» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 819. Л. 17). Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) — историк, в 1955–1959 годах — заведующий кафедрой истории журналистики филологического факультета ЛГУ. Из письма от 24 декабря: «С трудом удалось добиться печатания реферата (надеюсь, Вы его получили) — типография ссылалась на превышение обычного размера (3 п. л.) и упиралась. С еще большим трудом надо было добиваться в Горлите права на 25 лишних экземпляров: разрешили только 10. Наконец, автореферат был напечатан и стал рассылаться. В этот момент Бурсов, ссылаясь на свою „некомпетентность“ (в письме ко мне) и на болезнь и отъезд в санаторий (в письме факультету) отказался быть оппонентом. Только вчера кафедра рассмотрела этот вопрос (выступали Ямпольский, Бялый, Мануйлов и др.) и назначила вместо него Бялого <...> Еремин проявил много внимания и провел все наилучшим образом <...> На Бурсова я все же очень зол: ведь это предательство! Недавно он просил меня (в порядке дружеской услуги) выступить на защите в П<ушкинском> Д<оме> в качестве оппонента по одной диссертации его аспиранта о Добролюбове. Я выступил

и спасал средненькую работу. А на следующий день он и прислал свое письмо с отказом» (Там же. Л. 19–19 об.). Отвечая на это письмо Рейсера, Оксман писал: «Лисьи аллюры Бурсова меня огорчили — я о нем был лучшего мнения. Но, конечно, Бялый будет не хуже, а лучше» (Там же. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 18 об.; письмо от 31 декабря 1955 года). Бялый Григорий Абрамович (1905–1987) — литературовед, с 1939 года — профессор ЛГУ. В письме от 25 декабря Оксман просил Рейсера добиться назначения даты защиты на середину или вторую половину февраля (Там же. Л. 17), а 9 января 1956 года успокаивал его: «Надеюсь, что вы взяли себя в руки и больше не нервничаете. Вы сделали все, что от вас требовалось, и сейчас можете спокойно ждать дня и часа защиты» (Там же. Л. 21–21 об.). 17 января Оксман получил телеграмму от Рейсера: «ЗАЩИТА НАМЕЧЕНА ШЕСТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ ПРОШУ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ ВАШЕ СОГЛАСИЕ НЕОБХОДИМОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРИКАЗА РЕКТОРА ПРИВЕТОМ = РЕЙСЕР» (Там же. Ф. 2567. Оп. 1. № 819. Л. 23). 21 января 1956 года Оксман напомнил ему: «Не забудьте оформить вызов на защиту бумажкой на имя ректора Саратовского Государственного Ун<иверситета> (проф. Р. В. Мерцлин)» (Там же. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 25). Проблемы с диссертацией продолжались у Рейсера и после состоявшейся защиты, процесс утверждения ее в ВАК занял больше года. 13 мая 1957 года Рейсер извещал Оксмана: «Сегодня позвонил в Москву и узнал, что пленум ВАКа состоялся не 11, как было в плане, а 4-го мая. Он и утвердил меня. Значит, этот этап, стоивший тьму нервов и отнявший 16 месяцев жизни, пройден. Еще раз — спасибо Вам за все» (Там же. Ф. 2567. Оп. 1. № 819. Л. 34). Еще больше времени заняло утверждение Рейсера в звании профессора (см. письма Гудзия к Рейсеру за октябрь 1956 — январь 1959 года: Там же. Ф. 2835. Оп. 1. № 260. Л. 7, 9, 10, 11 об., 14–14 об.).

¹⁰ Стенограмму выступления Оксмана (как неофициального оппонента) на защите докторской диссертации Макогоненко «А. Н. Радищев и его время» в ЛГУ 28 июня 1955 года см.: *Оксман Ю. Г., Чуковский К. И.* Переписка [1949–1969]. С. 149–154. В 1956 году вышла в свет одноименная книга Макогоненко, редактором которой был Оксман.

¹¹ Оксман упоминает два подготовленных им издания: *Рылеев К. Ф.* 1) Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма / Ред., подг. текста и прим. Ю. Г. Оксмана; вступ. статья В. Г. Базанова. М.; [Л.], 1956; 2) Полн. собр. стихотворений / Ред., предисловие и прим. Ю. Г. Оксмана; вступ. статья В. Гофмана. Л., 1934 (Библиотека поэта. Большая сер.). Ср. в письме Оксмана к Рейсеру от 27 марта 1956 года: «Я не знаю ни одного случая в советской издательской практике, когда бы в первом издании текст не изобиловал бы грубейшими недоделками, не говоря уже о варварских опечатках. Только второе издание дает некоторые гарантии точности текста и четкости композиции. А подлинно научным может быть только третье издание. Это вовсе не парадокс!» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 414. Л. 28 об.). Сборник 1956 года Оксман в письме Ямпольскому от 4 сентября 1956 года назвал «репетицией второго издания моего старого Рылеева» (Русская литература. 2004. № 1. С. 168). О судьбе нового издания «Полного собрания стихотворений» Рылеева, которое Оксман готовил для большой серии «Библиотеки поэта» с середины 1950-х годов и вплоть до ноября 1964 года, когда набор был отправлен в издательство (книга не была издана), см.: *Фролов М. А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и А. В. Флоровского (1962–1968) // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 631, 634. Издание вышло в свет в 1971 году под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями В. Г. Базанова, А. В. Архиповой и А. Е. Ходорова.

¹² *Оксман Ю. Г.* Проблематика «Истории Пугачева» Пушкина в свете «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева // Саратовский гос. ун-т. Научный ежегодник за 1954 год. Саратов, 1955. С. 149–154. В этом же издании была опубликована еще одна статья Оксмана: «Из истории нелегальной агитационно-пропагандистской литературы начала XIX в. 1. „Пифагоровы законы“ и „Правила Общества Соединенных Славян“» (Там же. С. 154–158). Статьи и публикации саратовских учеников и младших коллег Оксмана, А. П. Медведева, П. А. Бугаенко, И. В. Чуприной, Л. П. Медведевой, В. М. Черникова, К. Е. Павловской, Г. В. Макаровой, В. К. Архангельской, В. В. Пугачева, членов Научного студенческого общества Т. И. Усакиной и В. М. Селезнева были посвящены Л. Н. Толстому, Н. А. Некрасову, Н. Г. Чернышевскому, М. Ф. Орлову, В. Г. Короленко, А. И. Куприну, А. Н. Толстому, К. А. Федину, Ф. В. Gladкову.

¹³ В писательском доме (Лаврушинский пер., д. 17), в квартире писателя Вениамина Александровича Каверина (1902–1989) и его супруги, детской писательницы Лидии Николаевны Тыняновой (1902–1984). В том же доме проживал и литературовед, пушкинист Дмитрий Дмитриевич Благой (1893–1984) вместе с женой, врачом Софьей Рафаиловной Виляк (1893–1965).

¹⁴ Чуприна Ирина Вячеславовна (1924–2000) — литературовед, специалист по творчеству Л. Н. Толстого, ученица Скафтымова; преподавала на филологическом факультете СГУ с 1949 года (с 1953 года — в штате факультета). Рецензия на сборник статей о Толстом в «Известиях ОЛЯ» не появилась.

3/IV 56 <Саратов>

Дорогой Николай Каллиникович,

так мы и не встретились в Москве. Уехав в Переделкино, я почувствовал такую безмерную усталость и от Ленинграда, и от Москвы, что не мог вернуться в город — как предполагал. К тому же у меня был еще и сердечный припадок — я просидел на трех заседаниях в Инст<итуте> Мировой Литературы и понял, что в Москве мне не житье.¹ Когда меня спросил кто-то — какое впечатление произвел на меня Институт «de visu», я ответил (перефразируя, кажется, Шкловского), что чувствовал себя в этом узилище как еще живая чернубурная лиса в меховом магазине.² Ну и до чего выветрились там все эти шкуры и шкурки бывших зверей!

Надо встретиться на юбилее Бушмина (то бишь Пушкинского Дома!). А заодно и 60-летие Мих<аила> Павловича.³

Весь ваш Ю. О.

¹ Ср. в письме Ямпольскому от 1 апреля 1956 года: «Два дня присматривался к ИМЛИ и... „содержание оно не одобрил“. Но где лучше? И неужели нужно превращать саратовскую „случайность“ в „необходимость“?» В ИМЛИ Оксман приезжал по делам Герценовской группы, с которой в этот период начал тесно сотрудничать (Русская литература. 2004. № 1. С. 164; см. прим. 4 к п. 37).

² «Как живая чернубурка в пушном магазине». Эту фразу литературовед, писатель, сценарист Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) произнес в ответ на вопрос начальника лагеря, сопровождавшего его во время поездки на строительство Беломор-Балтийского канала в 1932 году, главной целью которой было добиться смягчения участи своего старшего брата, филолога Владимира Борисовича Шкловского (1889–1937), находившегося в исправительно-трудовом лагере. См.: К 100-летию со дня рождения В. Шкловского. Изюм из булки / Сост. В. Шкловская-Корди // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 322; другой вариант см.: Чудаков А. Спрашивая Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 101.

³ Бушмин Алексей Сергеевич (1910–1983) — литературовед, в 1955–1956, 1977–1983 годах — директор ИРЛИ. В декабре 1955 года исполнилось 50 лет со дня основания Пушкинского Дома. Торжественные мероприятия по этому поводу были намечены на лето 1956 года, о чем сообщали академические издания: «В ознаменование пятидесятилетия Пушкинского дома в июне 1956 г. в Ленинграде состоится общее собрание Отделения литературы и языка и VIII Всесоюзная Пушкинская конференция, посвященная основным проблемам изучения наследия великого основоположника новой русской литературы» (К пятидесятилетию Пушкинского дома // Известия ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 149). На общем собрании ОЛЯ АН СССР 4 и 5 июня выступили с докладами и выступлениями в прениях В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, Этторе Ло Гатто, Б. В. Томашевский, Б. А. Трубецкой, Г. С. Черемин, В. А. Архипов, Д. Д. Благой, И. Л. Андроников и Ю. Г. Оксман (Серман И. З. Общее собрание Отделения литературы и языка Академии наук СССР, посвященное 50-летию Пушкинского дома // Там же. Вып. 4. С. 384–387). 9 июня 1956 года отмечалось 60-летие литературоведа Михаила Павловича Алексева (1896–1981). См.: Берков П. Н. Член-корреспондент АН СССР М. П. Алексеев (К шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научно-литературной деятельности) // Там же. Вып. 5. С. 457–459). В 1950–1963 годах Алексеев был заместителем директора ИРЛИ по научной работе.

11/IV 56 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Сердечно благодарю Вас и прошу передать мою благодарность прочим товарищам — за присылку мне очередного номера саратовских ученых записок,¹

оценить которые пока смог только по их оглавлению. Спасибо Вам и за отписки Ваших статей, одну из которых (рецензию на орловский тургеневский сборник) я своевременно прочел с большой пользой для себя, лишней раз убедившись в большущей Вашей начитанности и методологической строгости.²

Очень жалею, искренно жалею, что нам не удалось повидаться с Вами в Москве. Было бы о чем поговорить! Да еще с таким интересным и милым собеседником, как Вы!

Две недели назад на полсутки ездил в Ленинград в качестве официально оппонента по диссертации Малышева (защита прошла прекрасно),³ а через неделю участвовал в обсуждении 1-го тома никому не нужного трехтомника, возможно, дальше 1-го тома и не имеющего шансов увидеть свет.⁴

Очень убыточно для Москвы и для литературоведческой науки Ваше разочарование в Москве и предпочтение ей более тихого и спокойного жития в Саратове. Позавчера под моим председательством произошло заседание комиссии по обследованию «Литературного наследства» с целью создать благоприятные условия для работы издания — в связи с близящимся его 25-летием. Вот бы Вам войти в редколлегия «Литературного наследства»! Как много Вы могли бы сделать для него!⁵

Крепко Вас обнимаю!

Приезжайте все-таки в Москву на совсем.

Ваш Н. Гудзий

¹ По всей вероятности, Гудзий благодарит Оксмана за присылку ему следующего издания: Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1955. Т. 53. Вып. филологический. В этом томе, в редколлегия которого входил Оксман, были напечатаны статьи, публикации и сообщения Т. М. Акимовой, Г. В. Макаровской, Е. П. Никитиной, А. А. Жук, А. Ф. Барковской, Ю. Б. Неводова и К. Е. Павловской, посвященные А. Н. Толстому, П. Г. Антокольскому, В. И. Костылеву, В. В. Вишневскому, А. И. Куприну, песням о гражданской войне и публикациям газеты «Правда» военного времени о традициях русской классической литературы.

² Оксман Ю. Г. 1) Орловский сборник статей о «Записках охотника» <Рец.> // Известия ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 1. С. 81–83; 2) Новое издание Герцена <Рец.> // Там же. Вып. 2. С. 166–171. Кроме того, в этом же году в первой книге 60-го тома академической серии «Литературное наследство» — «Декабристы-литераторы» — увидели свет две публикации Оксмана, посвященные поэтическому и эпистолярному наследию В. Ф. Раевского (публикация писем была осуществлена при участии Е. П. Федосеевой).

³ В марте 1956 года в ИРЛИ состоялась защита кандидатской диссертации «Повесть о Сухане (Из истории русской повести XVII в.)» литературоведа, историка древнерусской литературы, основателя Дрвлекранилища Пушкинского Дома Владимира Ивановича Малышева (1910–1976). Гудзий не только выступил одним из официальных оппонентов, но и способствовал тому, чтобы Малышев был освобожден от сдачи кандидатских экзаменов (Маркелов Г. В. Письма Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 197). См. в этой связи также письма Лихачева к Гудзию от 7 и 17 июля 1954 года: «ВАК по проишкам Бельчикова отказался освободить Вл<адимира> Ив<ановича> Малышева от кандидатского минимума. Сейчас он в совершенно подавленном состоянии, просится уйти из Сектора, говорит о том, что он не ученый, и хочет бросить научную работу <...> Пожалуйста, напишите ему письмо, приободрите его. Нельзя ли что-нибудь все же сделать для него в ВАК'е?»; «Большое Вам спасибо за письмо. Вл<адимир> Ив<анович> смущен Вашим письмом, но оно на него подействовало именно так, как нужно. Экзамены все же для него непреодолимая трудность. <...> Я говорил с Виноградовым в его приезд в Л<енингра>д. Он обещал что-то сделать» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 8. № 64. Л. 33, 34). Предварительный отзыв Гудзия на диссертацию Малышева см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 7. № 51.

⁴ Предположительно, подразумевается обсуждение проекта первого тома («Литература X–XVIII веков») трехтомной академической «Истории русской литературы» (М.; Л., 1958–1964), вышедшего в 1958 году. Очевидно, об этом обсуждении писал в своих воспоминаниях Бурсов: «В Москве в ИМЛИ обсуждался проспект истории русской литературы в трех томах. Авторы проспекта делали акцент на изучение литературного процесса, оставляя в тени вопрос о личности писателя, о единстве и целостности ее. Николай Каллиникович выступил с резкой критикой

проспекта. Он говорил о том, что если не будут объяснены, например, Пушкин и Толстой как исключительные индивидуальности, то не останутся объясненными и их гениальные создания. Вот его подлинные слова: „Пушкин — чудо, Толстой — чудо, а вы хотите все разложить по полочкам, разделить по десятилетиям“» (Воспоминания о Н. К. Гудзии. С. 120).

⁵ Основатель «Литературного наследства», историк литературы и искусства, коллекционер Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) был учеником Оксмана по Одесскому институту народного образования и посещал организованный им при институте (по образцу Пушкинского семинария С. А. Венгерова) семинар по изучению биографии и творчества Пушкина. Публикацию фрагмента их многолетней и обширной переписки см.: *Филькина Е. Ю.* «Считаю себя обязанным Илье за многое...». Из переписки Ю. Г. Оксмана и И. С. Зильберштейна (1947–1951) // И. С. Зильберштейн: штрихи к портрету: к 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 417–458. В 1932 году, год спустя после основания «Литературного наследства», Оксман впервые выступил автором серии, впоследствии в целом ряде томов появились подготовленные им статьи и публикации, в марте 1960 года стал членом редколлегии серии и оставался в ее составе вплоть до 1964 года. В сохранившихся материалах (отчетах, протоколах, стенограммах, постановлениях) ОЛЯ за 1956 год момент учреждения, состав, ход работы упомянутой Гудзием комиссии не отражены (Ф. 456. Оп. 1. № 488, 497–499, 505, 506, 507, 525). Но обстоятельства, обусловившие необходимость ее организации, известны. Серия «Литературное наследство», являясь в 1949–1960 годах печатным органом ОЛЯ и сосредоточив обширный редакционный архив (включавший также и «редакционный портфель» сборников «Звенья» и «Летописей Государственного литературного музея»), обладавший колоссальной научной ценностью, с 1945 года занимала небольшую комнату в помещении Отделения (ул. Волхонка, д. 18), полученную при содействии С. И. Вавилова. 17 ноября 1952 года редакция обратилась в Президиум АН СССР: «Редакция „Литературного наследства“, подготавливающая и выпускающая ежегодно по два тома в 80–90 авторских листов каждый, занимает на Волхонке, 18 одну комнату в 32 метра. В этой комнате работают два члена редколлегии, осуществляющие основную исследовательскую и литературно-редакторскую работу над изданием, четыре научно-технических работника и машинистка. Кроме того, в комнате находится телефон. Работать в такой комнате почти невозможно, так как этому мешают крайняя теснота, звонки телефона, разговоры с авторами, стук машинки. <...> Необходимо указать еще на то, что в той же комнате находится значительный по объему архив редакции (рукописи и фотографии)». В 1956 году разобраный сотрудниками редакции архив был передан на временное хранение в Издательство АН СССР, где и погиб в том же году при невыясненных обстоятельствах. Сам факт уничтожения архива стал известен Зильберштейну в 1959 году. В настоящее время сохранившийся архив «Литературного наследства» сосредоточен в нескольких фондах — РГАЛИ (Ф. 603 (фонд, образованный вскоре после уничтожения архива), 3290 (личный фонд И. С. Зильберштейна)), ОР ИМЛИ (Ф. 575), Научном архиве Тверского государственного объединенного музея (Ф. Р-13, личный фонд С. А. Макашина), в личных фондах сотрудников редакции. В середине 1980-х годов редакция лишилась комнаты на Волхонке. См.: *Галушкин А.* Из истории редакционного архива «Литературного наследства» (К 80-летию основания издания) // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 41–47.

28

Глубокоуважаемый
Николай Каллиникович!

Кафедра русской литературы СГУ, готовящая к печати очередной том своих «Ученых записок» и посвящая его профессору Александру Павловичу Скафтымову, в связи с сорокалетием его научной и литературной деятельности, просит вас принять участие в этом томе.¹

Статью просим представить к 1 июля с. г. Желательный размер — до одного печатного листа.

Юл. Оксман

24 апреля
1956 г. <Саратов>

Е. Покусаев

¹ Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1957. Т. LVI. Вып. филологический в честь заслуженного деятеля науки РСФСР доктора филологических наук профессора А. П. Скафтымова. В этом томе «Ученых записок», помимо статей инициаторов и составителей сборника — Ю. Г. Оксмана

(«И. С. Тургенев на службе в Министерстве внутренних дел»), Е. И. Покусаева («„Господа Головлевы“ Салтыкова-Щедрина») и еще одиннадцати авторов, принявших в нем участие, была напечатана статья Гудзия «Культурные связи украинского и русского народов до конца XVIII в.». Сборник, по выходе его в свет, был получен Гудзием от Покусаева, о чем свидетельствует его письмо от 23 мая 1958 года: «Посылаю бандеролью Учен<ые> Зап<иски> в честь А. П. Скафтымова. Этот экземпляр из „сигнальных“ <...> Мы рады Вашему участию в сборнике. Сердечное спасибо» (НИОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 11. № 37. Л. 5). В письме Оксману от 26 июня 1958 года Скафтымов пишет об этой книге: «...получил выпуск Ученых записок „в честь...“. Довольно объемисто и внешне солидно. Прочитал еще мало. Шлю Вам, Юлиан Григорьевич, особую благодарность. Мне, конечно, известно о Вашей инициативе и о большом содействии в этом деле» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. С. 278–279).

29

16/V 56 <Москва>

Дорогой
Юлиан Григорьевич!

Сердечное спасибо Вам и участникам сборника,¹ присланного мне, подписавшим свои фамилии под очень тронувшей меня дарственной надписью. Будучи предельно занят чтением дипломных и курсовых работ, я не успел как следует освоить материал его, но убежден в том, что филологический ф<акультет> Саратовского университета ведет большую исследовательскую работу и, как всегда, в первых рядах стоите Вы с Вашим богатством знаний и всегда интересными и новыми разысканиями. Не откладывая ответа на Вашу посылку до детального ознакомления со сборником, т. к. тороплюсь сообщить Вам адрес А. И. Белецкого: Киев, Никольско-Ботаническая, 14, кв. 9.

У меня в данное время нет готовых статей, которые соответствовали интересам А. П. Скафтымова, которого глубоко уважаю и ценю как ученого, но я мог прислать к указанному Вами сроку статью о русско-украинских культурных связях кончая XVIII веком. Боюсь только, что такая статья не подойдет для задуманного сборника. Дайте мне знать, так ли это.

Нас, как и вас, взволновало самоубийство Фадеева. Дополнительных причин самоубийства, кроме объявленных в газетах, мы не знаем, а они, вероятно, были и связаны были с переоценкой ценностей. Застрелился он (выстрел в сердце) в воскресенье в 2 часа дня в Переделкине, у себя на даче, оставив несколько писем, содержание которых нам, конечно, неизвестно. В последнее время он, говорят, не пил.²

Завтра открывается совещание членов комитета славяноведения в связи с предстоящим съездом в 1958 г. Приехали Мазон, Якобсон, Белич, Стендер-Петерсен, Гавранек, Э. Хилл (Кембридж) и др. Собираюсь бывать на совещаниях.³

Крепко жму Вашу руку.
Душевно Ваш

Ник. Гудзий

¹ Гудзий благодарит Оксмана за присланный ему «Научный ежегодник за 1954 год» СГУ. См. прим. 12 к п. 25.

² 13 мая 1956 года К. И. Чуковский записал в дневнике: «Застрелился Фадеев. Мне сказали об этом в Доме творчества <...> Мне очень жаль милого Александра Александровича — в нем — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растреленность и казенность находили в нем свое послушное орудие. Он — по существу добрый, человеческий, любящий литературу „до слез умиления“, должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем — и пытался *совместить* человек-

ность с гепоушничеством». Комментируя эту запись, Е. Ц. Чуковская писала: «В Переделкине знали, что Фадеев оставил письмо в ЦК. Содержание этого письма стало известно лишь через 34 года. Осенью 1990 г. письмо было напечатано в „Известиях“, „Лит. газете“, „Гласности“. Но наиболее обстоятельная публикация (включая факсимильное воспроизведение), а также докладные записки от 14 и 22 мая 1956 г. в ЦК КПСС от председателя КГБ И. А. Серова о ходе следствия по этому делу и, наконец, письмо А. Фадеева к В. Ермилову напечатаны в „Известиях ЦК КПСС“. 1990. № 10, с. 146–155» (Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2007. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комм. Е. Чуковской. С. 214, 215, 561). В предсмертном письме Фадеев, в частности, писал: «Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть направлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, — физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих: лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет. <...> Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. <...> Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь, клевета, ухожу из этой жизни» (Письма прошлых лет. О предсмертном письме А. А. Фадеева // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 146–155). Некролог, опубликованный в «Правде» спустя два дня после самоубийства, содержал оскорбительные для памяти Фадеева строки, грубо маскирующие абсолютно ясные для значительной части литературной общественности причины его трагической гибели: «В последние годы А. А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные врачебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством» (Правда. 1956. 15 мая. № 136. С. 3).

³ Совещание Международного комитета славистов проходило в Москве с 17 по 22 мая 1956 года. См.: Трубачев О. Н. Совещание Международного комитета славистов в Москве // Известия ОЛЯ. 1956. Т. XV. Вып. 4. С. 388–392. В письме упомянуты: историк литературы, славист, глава Института славяноведения в Париже, вице-президент Международного комитета славистов Андре Мазон (1881–1967); литературовед и лингвист Роман Осипович Якобсон (1896–1982); Александр Белич (1876–1960) — сербский лингвист, получивший высшее образование в Российской империи в 1895–1898 годах и удостоенный звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук в 1910 году, глава югославской делегации на IV Международном съезде славистов в 1958 году; Адольф Стендер-Петерсен (1893–1963) — датский лингвист, историк литературы, родившийся и до 1916 года живший в Санкт-Петербурге; Богуслав Гавранек (1893–1978) — чешский филолог-славист, лингвист, специалист по диалектологии и сравнительной грамматике, профессор университетов в Брно и Праге; Элизабет Хилл (Елизавета Федоровна Хилл; 1900–1996) — лингвист, в 1948–1968 годах — профессор отделения славистики Кембриджского университета. IV Международный съезд славистов проходил в Москве с 1 по 10 сентября 1958 года. Гудзий выступил на съезде с докладом «Литература Киевской Руси и другие инославянские литературы» (ограниченным тиражом отдельным изданием напечатан в 1958 году; см. также публикацию доклада в составе сборника: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 7–60). Резюме выступлений Оксмана см.: IV международный съезд славистов. Материалы дискуссий. Т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962. С. 219–223, 316–318, 360–361, 586–587.

(Продолжение следует)